

ЭЛЕН
БЛИО

СЫГРАЙ
СО МНОЙ
В ЛЮБОВЬ

Элен Блио

Сыграй со мной в любовь

«Автор»

2024

Блио Э.

Сыграй со мной в любовь / Э. Блио — «Автор», 2024

- Что же мне с тобой делать Лика-клубника? – он прижимает меня к стене хищно ухмыляясь.- Отпустить. Я домой пойду. – пытаюсь использовать последний шанс. - Я ведь вам не подошла?- Ошибаешься, малышка, очень даже подошла. – и его губы накрывают мои...Я принял ее за девочку по вызову, а она бросила вызов мне. Я полюбил её, а она предала. Я вычеркнул ее из своей жизни, уничтожив все, что напоминало о ней, а потом узнал, что она ждет моего ребёнка...

© Блио Э., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава1	5
Глава2	9
Глава3	13
Глава4	17
Глава5	22
Глава6	26
Глава7	32
Глава8	37
Глава9	41
Глава10	47
Глава11	50
Глава12	55
Глава13	59
Глава14	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Элен Блио

Сыграй со мной в любовь

Глава1

– Пожалуйста, отпустите, я ничего не сделала! – жалобный девичий голос заставляет меня на мгновение зависнуть.

– Не сделала? Так мы как раз это и проверяем, сделала или не сделала! – Кто-то из охранников не церемонится.

– Не надо, пожалуйста... Если вы мне не верите, давайте в полицию позвоним!

– Малышка, мы все выясним без всякой полиции, мирно, любовно!

– Нет, пожалуйста! – слышу, что девчонка явно плачет. Да что там творится, чёрт возьми?

– Эй? В чем дело? Что тут происходит? – захожу в сторожку охраны и вижу поистине «чудную» картину.

Два моих архаровца держат девушку, совсем молоденькую, лет двадцать, не больше, если не меньше.

Среднего роста, фигурка очень аппетитная, зависаю на некоторых деталях, сглатывая.

Одета она очень строго. Вся из себя такая училка – блузка с жабо и брошкой, ну точно, моя математичка лет двадцать назад такую носила! Юбка прямая до колена, правда, достаточно узкая, красиво обтягивает все, что можно красиво обтянуть. А у этой крошки можно.

Лицо рассмотреть не могу, потому что в сторожке полумрак, но вижу черные подтеки туши, плывущие по щекам ручьями.

– Так, что тут?

– Да вот, Алексей Николаевич, подозрительную дамочку задержали.

– Подозрительную? – Усмехаюсь, да уж, если она подозревается, то только в том, что прибыла из далекого прошлого, из каких-нибудь восьмидесятых. Или в том, что «косплеит» Снежану Аркадьевну из «Нашей Рашы».

– Я... я не подозрительная, Алек... Алексей Николаевич. Я искала вас.

– Меня? Интересно. И зачем же вы меня искали?

Делаю два шага вперед, подходя ближе, жестом требую, чтобы ее отпустили.

Это непонятное чудо поднимает голову, и я вижу ее глаза. Необыкновенные глаза. Изумрудные, лучистые, обрамленные длинными ресницами, уголки чуть приподняты. Кошачьи глазки.

Почему-то становится тесно и горячо внизу.

Сейчас я вижу, что эта зареванная девица в костюме училки очень и очень красивая. Я даже слегка присвистываю.

Хотя красоту свою она тщательно упаковала в этот идиотский наряд и волосы убрала в строгий пучок, а они у неё явно длинные, пушистые.

И как такая красotka тут оказалась? И почему в таком виде?

Ответ у меня один, и нахожу я его очень быстро.

Попасть сюда, чтобы дождаться меня, она могла только в одном случае – её прислала моя давняя знакомая Элли. Элеонора, которая владеет небольшим модельным агентством. Правда, модели ее не только в фотосессиях и показах участвуют. Есть у них еще одна почетная обязанность. Особого рода услуги, которые очень, очень хорошо оплачиваются.

Был у нас с Элли разговор о том, что я слишком много работаю, мне нужно развеяться... не предполагал, что она додумается «развезть» меня вот таким способом.

Что ж, ей зачет. Я весь в предвкушении.

И эта игра в целомудрие и строгость мне очень нравится.

А вот охрану по ходу придется менять.

Нехорошо, когда таких милый девочек пытаются у меня из-под носа увести и прессуют, до слез доводя.

Бросаю взгляд на одного, на второго. Понимают без слов, отступают, головы опустив.

А я двигаюсь еще ближе к красотке, встаю почти вплотную.

– Так зачем ты меня искала? – говорю мягче, улыбаюсь, приподнимая заплаканное личико за подбородок.

Губки у нее маленькие, но достаточно пухлые, как у куколки. Свои, без всяких филеров. Скулы остренькие, тоже натуральные. И кожа чистая, ну, не считая потекшей туши.

Хочется выдернуть шпильки, чтобы локоны рассыпались по плечам.

Девочка – высший класс. Явно из новеньких. Элла о ней ничего не говорила. Сюрприз удался.

– Я... меня... Меня к вам Элеонора Григорьевна отправила.

Усмехаюсь, готов заплодировать. Надо же! Элеонора Григорьевна. Ну, Элка, мастерица.

– Григорьевна, говоришь? А как же ты тут-то оказалась?

Снова пристально смотрю на охрану – они что, сразу не вдурили, что крошка ко мне и по каким делам? Нельзя было ее в наш с пацанами коттедж отвезти? Совсем страх потеряли?

– Я вас ждала.

– Ждала, говоришь? – Стараюсь сдерживать себя. – Ну, поздравляю, ты дождалась.

Улыбаюсь, слегка сжимая пальцы, потому что хочется взять и провести по ее щеке, по шейке, ниже, еще ниже.

Но не здесь, не при свидетелях.

Опускаю голову, дышит девочка с трудом, дрожит. Чего так испугалась-то? Вроде как привычная должна быть?

Ладно, разберемся.

– Ну, пойдем, раз ждала.

Беру ее за локоть, подталкивая к выходу.

Похоже, вечер сегодня будет намного веселее, чем я его себе представлял!

Уже на выходе поворачиваюсь к охране.

– Объяснительную завтра начальству по поводу ваших действий.

– Алексей Николаевич, постойте, мы правда думали...

Замираю, смотрю сверху вниз. Они правда думали? Интересно, чем и о чем?

– Алексей Николаевич, да она тут вдоль забора шарохалясь туда-сюда. Высматривала что-то явно. Ну мы и... Знаете же, Шиловостовых на днях обнесли. Бабки пропали приличные. Так вот видели, вроде как ошивалась неподалеку баба, на эту похожая.

– Ясно. Бдительные вы мои. Молодцы. Но премию не ждите. И за дурака меня держать не надо. Представляю, что бы вы тут с ней сделали, если бы я не пришел.

– Да нет, мы только собирались... документы проверить, вещи, сумку...

– Они... они с меня плащ сняли и... блузку вот хотели... – Малышка всхлипывает.

Странно, только теперь думаю – а чего она так ревет-то? Обычно у Элки девицы хорошо обучены, за себя постоять могут и словом, и делом. Сразу знают, куда бить и с какой силой. Да и охраняют их.

Ладно, это уже не суть важно.

– Вещи ей отдайте. – Голос становится резким, сильно не люблю, когда берут и трогают без спроса что-то моё.

Девчонка натягивает простенький плащик, берет сумочку, достает из нее платочек. Ни дать ни взять – непорочное дитя, даже меня удивляет.

Наверное, в театральный поступала и провалилась – хотя играет натурально. Выходим из домика охраны, я приглашаю ее в машину.

– За... зачем?

– Как зачем? Поедем ко мне.

– На машине?

– А как?

– Так... вот же ваш дом? – глазками хлопает, сама скромность и невинность.

Хотя... может, в этом дело? Может, Элла действительно решила меня таким образом развлечь? Я же ей говорил, когда последний раз встречались, что устал от всего, хочу чего-нибудь новенького, свеженького?

Она и подогнала мне... свежак.

Где только нашла такую!

Девчонка просто улет. Нереальная. Я уж думал, таких больше не делают.

Чистенькая вся. И пахнет... чем-то таким простым и вкусным. Сливочным мороженым.

Смотрю на неё, не понимая, чего мы стоим, зависли. Когда давно уже пора ехать.

– Садись в машину.

– Зачем? – дрожит как котенок перепуганный.

– Много вопросов, девушка, вы так не считаете? Если вы от Элеоноры, должны сами все понимать.

Распахиваю дверь, протягиваю руку. Малышка беспомощно оглядывается на мой дом. Она что, реально думала, что я ее в своем доме буду пользоваться?

Там у меня дочь, самое главное в моей жизни.

В доме никакой грязи никогда не будет. Да и живут там все время близкие мне люди, почти семья – домработница моя, Нинель, Нина, дочь её, Ася.

– Давай-давай, запрыгивай, кисуля, как зовут хоть тебя?

– Лика.

– Лика, красивое имя. – И явно вымышленное, хотя, может быть, ее в натуре Анжеликой звать? Тогда подходяще.

Она пытается поднять ногу, чтобы поставить на ступеньку – внедорожник у меня высокий – юбка мешает.

Не задумываясь наклоняюсь, приподнимаю подол, и обнимаю ладонью стройную ножку.

– Вы... что вы делаете?

– Помогаю, кисуль, давай скорее, времени нет.

– Что?

– Поздно уже, я устал, давай, не лмайся.

– Я не ло-ломаюсь... – слышу судорожный вздох, она вся дрожит, – и я не кисуля! И... никуда я не поеду, пустите!

– Поздно, малышка, ты сама на это подписалась. Говоришь, Элеонора тебя прислала? Ну вот! Прыгай в тачку, или я сам тебя туда затащу!

– Нет!

Смотрю удивленно. Эта пигалица таращится испуганно, губки приоткрыла – так и хочется смять, неожиданно она поднимает руку – и мне прилетает хорошая пощечина.

Не ожидал. Да уж. Почему ее с такими способностями в театральные не взяли-то? Играет натурально. Оскорбленная невинность.

Ладно, разбираться некогда.

Хватаю за талию, заталкиваю в машину, сам лезу следом, двери блокирую, водитель мой, Степан, сразу все понимает, поднимает защитный экран. Теперь он нас не видит и не слышит.

– Что вы делаете?

– А на что это похоже? Похищаю красавицу, увожу в свое логово, чтобы воспользоваться ее бедственным положением.

– Не надо, пожалуйста.

– Ладно, хватит. Будем считать, что я в твой спектакль поверил и он мне очень понравился. И ты тоже понравилась. Если все остальное меня устроит, может, даже задержишься у меня.

– Что?

– Кисуля, правда, харе меня разводить. Утром решу, что с тобой дальше делать, а сейчас иди сюда.

Двигаюсь к ней, улыбаясь, надеясь, что высказался более чем понятно. Но эта блаженная внезапно хватается за ручку двери, начинает истерично рвать ее на себя и кричать.

– Помогите, выпустите меня! Помогите!

Дверь, конечно, закрыта, но окно открыть у нее все-таки получается, и ее дикие крики, разумеется, слышит весь коттеджный поселок.

Чёрт, вот это я вляпался!

Резко дергаю девчонку на себя и впиваюсь в её рот поцелуем, просто чтобы заткнуть.

И этот способ заставить ее замолчать мне очень нравится.

Если бы еще она не вырывалась так активно!

– Да что ж ты такая дикая.

– Пожалуйста, не надо!

Смотрю на неё и понимаю, что малышка не играет. Она на самом деле перепугана насмерть!

Да в чем дело? Кто она? И какого... Элла прислала ко мне это чудо?

Глава2

Держу крепко, смотрю на неё.

Дрожит явно не от холода. Чёрте что.

Элке позвонить, чтобы сама разобралась со своей крошкой?

Она ей правила игры, что ли, не объяснила? Костюмчик напялила, а что играть надо будет, до конца не озвучила?

Нажимаю кнопку – окно закрывается, девица снова всхлипывает.

– По... пожалуйста... пустите...

– Орать не будешь – пушу!

Мелко кивает, головушкой своей трясущейся, вроде как обещает не вопить.

Чуть ослабляю хват, но совсем не выпускаю. А она начинает изо всех сил пытаться вывернуться из моих рук.

Да что ж такое! Снова прижимаю.

Губы совсем рядом. Такие манкие, ароматные. Как тут сдерживаться?

Я и не сдерживаюсь. Пью ее как живительный сок.

Она вся в напряжении, тело как деревянное. Э, нет, мне бревно совсем не нужно.

Я привык к другим красавицам.

И игры уже подбешивают. Решила играть недотрогу – я понял, оценил, но уже все.

Стопе. Харе. Можно заканчивать ломать комедию.

Или у неё инструкция?

Может, она обязана до конца держать марку?

Ладно, так, может, даже интереснее. И все равно бревно не хочется.

– Расслабься. Все в порядке.

– Пожалуйста!

– Что?

– Пустите.

Пустить, говоришь? Ладно.

Ослабляю объятия. Она выворачивается. Сидит притихшая.

Грудь вздымается, а там есть, чему вздыматься, еще как.

Сглатываю, во рту слюна скапливается.

По ходу мне самому тоже не помешает слегка расслабиться. Выдохнуть.

Ладно, игры в тачке давно не для меня, возраст не тот. И вообще, чего это я тут на неё набросился? Как пацан-малолетка.

Давно меня так не колбасило.

Ну, допустим, сначала я хотел ей рот закрыть, прекратить спектакль. А потом-то?

Прикидываю – это ж как давно у меня ничего не было, что я так серьезно оголодал?

Давно. На самом деле. Недели две так точно в пустоту.

Новый контракт, новый объект – дела решали с парнями. Вот, послезавтра все должны закончить, тогда думали и отпраздновать.

Собраться вместе за городом. В любимом нашем местечке. На Волге.

Или вообще умотать в горы, на Красную поляну, на Газпром. Подышать воздухом, в баньке попариться. В море купаться еще рановато, конечно, но теплое джакузи на фоне гор – самое оно.

Опять же, давно мы так не выбирались. Я, Егор и Жека. Три друга. Три брата.

Братья мы троюродные, вроде как седьмая вода на киселе. Но дружим с детства. Вместе с пеленок. Один за всех и все за одного. Как мушкетеры. Д'Артаньяна нам только не хватает. Вернее, был у нас и он, только вот... пропал без вести. Не к ночи будет помянут.

Да, вот в выходные-то мы и хотели поехать, расслабиться, взять веселых девчонок у той же Эллы.

Но Элла решила, что мне расслабон нужен раньше и сильнее.

За такую куколку я с ней не рассчитаюсь!

Подъезжаем к коттеджу. Формально он мой, но мы с парнями пользуемся по очереди. Когда бывает нужно воспользоваться.

Насколько я знаю, сегодня место встреч свободно.

Ворота открываются, Степан заезжает, останавливается у входа.

Я выхожу, протягиваю руку Лике-клубнике. Она осторожничает, старается спуститься сама, меня не касаясь. Так не пойдет!

Подхватываю ее подмышки, ставлю рядом с собой. Очень близко, чтобы прочувствовала всю силу моего к ней внимания.

– Пожалуйста.

– Спасибо. После того, как принимаешь помощь, нужно говорить не «пожалуйста», а «спасибо». Поняла?

Кивает, двигает плечами, пытаясь освободиться.

Интересно, что будет, если пуцу?

Отодвигаюсь, жестом приглашая в дом.

Смотрит исподлобья, хмуро, делает шаг, второй... А потом резко разворачивается, толкает меня и несется что есть мочи к воротам, которые еще не закрыты.

Чёрт, бросаюсь за ней, плитка, уложенная на дорожке, влажная – днем был дождь, мои сшитые на заказ ботинки ни разу не для того, чтобы бегать, поскальзываюсь, ногу ведет в сторону – только вывиха мне не хватало! – боль простреливает, замираю на мгновение, зависая... Убежит же!

Шумно выдыхаю, собираясь рвануть, несмотря на прострелившие лодыжку молнии, но слышу шипение Степана.

– Стой, Алексей Николаич, догоню твою недотрогу.

С завистью смотрю на его удобные кроссовки – дожил!

Пытаюсь встать на ногу – вроде получается.

Слышу крик, а потом сдавленные визги – Степа явно зажимает её ротик своей лапицей. Водила у меня что надо. С ним и телохранители не нужны. Рост два метра, косая сажень в плечах – кажется, это так называется.

Луна и фонарь освещают дорожку к дому, по которой идет Степан, он держит мой непорочный сюрприз, который все еще пытается отбиваться.

Вижу, что юбка сбоку треснула по шву, задралась. Коленки у нее зачетные. Красивые коленки.

А вот поведение – воспитывать надо. Наказывать.

Это я умею. Практикую. Не часто, но.

Степан ставит девушку передо мной. Смотрю, тяжело дыша.

– Что же мне с тобой делать Лика-клубника?

– Отпустить. Я домой пойду и никому ничего не расскажу. Даже Элеоноре Григорьевне.

– Неужели.

– Да. Скажу, что я вам не подошла и все.

– А ты думаешь, что ты не подошла.

– Думаю, да. – Дрожит как осиновый листок. И глаза шальные.

Не играет же? Или играет?

Да кто ты такая, чёрт побери?

– Ошибаешься, малышка. Ты мне очень даже подошла. В дом пошли.

– Нет. Не пойду. Пожалуйста...

Опускает голову и ревет.

Степан смотрит на меня, головой качает.

– Алексей Николаич, может, я того... отвезу ее, от греха?

– Куда? – кроха вскидывает голову, смотрит на огромного как медведь Степана. Не знает ведь, что он и мухи не обидит, ну, если не надо обижать. А уж на женщину точно руку не поднимал и не поднимет.

– Домой, туда, где мамка ждет.

Малышка голову опускает, молчит, слезки капая.

А я уже и не хочу ничего. Как отрезало. Но отпустить вот так просто? Хренушки!

– Степан, тут подожди пока. Я скажу, что да как. Лика, в дом зайдем на пару минут.

Видимо, со мной ей, несмотря ни на что, не так страшно, как со Степаном. Глупая. Не научила жизнь в людях разбираться.

Я опаснее Степана.

Я руку на женщин очень даже могу поднять. По обоюдному согласию.

Девушка подходит, проходит мимо меня, я снова ловлю ее аромат и думаю – погорячился я с тем, что отрезало.

Все на месте. Все работает.

Иду вперед, прихрамывая, но иду. Открываю перед ней двери.

– Прошу.

– Спасибо.

Заходим в просторный стильный холл. Не обжитой, конечно, но нам с парнями это и не надо. Свет загорается автоматически – датчик движения. Сразу начинает играть приятная тихая музыка – не знаю откуда, это Егор настроил, он у нас эстет.

Лика оглядывается вокруг, она все еще на диком взводе. И эта ее дрожь... Хочу, чтобы по другим причинам дрожала, и собираюсь это обеспечить.

– Нравится?

– Что?

– Дом?

Молчит. И ладно.

Что-то в ней меняется, я наблюдаю – музыку, что ли, слушает?

– Что?

Смотрит на меня, хочется стереть с ее лица эти идиотские следы от туши, насладиться уже цветом ее нежной кожи, и не только цветом, но и вкусом.

– Это Циммер.

– Кто? – не могу понять, о чем она.

– Ханс Циммер, композитор. Он пишет музыку к фильмам.

– Неужели?

Ухмыляюсь, очень интересно, откуда такие познания?

Достаю смартфон, включаю «Шазам».

– Громче музыка. – Умный дом сразу поднимает уровень звука.

Прошаренное приложение тут же выдает картинку. Действительно композитора зовут Ханс Циммер, а музыка, которая звучит – саундтрек к фильму «Интерстеллар». Название очень знакомое, но вспомнить сам фильм не могу. На картинке чувак в скафандре и космос. Все.

Музыка не расслабляющая точно. И не очень подходящая для уединения с красоткой. Интересно, с хрена ли Егор это тут оставил?

Смотрю на девочку, понимаю, что она слегка расслабилась. Из-за музыки? Может, думает, что если мы тут такую музыку слушаем, то... ничего дурного не сделаем?

Да я, собственно, и не собирался, дурного.

Непроизвольно делаю к ней шаг, хочется быть ближе. Поворачивается – снова испуг в глазах. Словно лань, застигнутая охотником врасплох.

Мне нравится это сравнение.

Я охотник. Она добыча. Трепетная лань. Наверное.

Беру за локоть, притягивая к себе, прижимая.

Малышка с шумом выдыхает, поднимает глаза. Даже тушью перепачканная – все равно красивая.

– Не надо, ну пожалуйста.

– Почему? Ты же сама пришла?

– Я не за этим пришла, вы ошиблись!

– Ошибся? Я никогда не ошибаюсь, Лика-клубника.

И мои губы снова опускаются на ее крохотный ротик. Заявляю права. По фигу уже, кто она, откуда. Она девица Элеоноры. Она пришла ко мне, значит, представляла, что тут будет. Так что...

Она не податливая, не мягкая, напряженная как струна. И все так же дрожит. И губы не расслабляет. Пытается дернуться, вырваться, и почему-то меня это начинает дико бесить.

Доиграешься ведь, девочка!

Сжимаю сильнее, впечатываю в стену у двери, обхватываю ладонью ее лицо.

Почему-то несмотря ни на что жестить с ней не хочется. Ох, Лика-клубника!

Может, тебя надо нежностью брать?

Не помню на самом деле, когда я делал это нежно. Не с кем мне было нежничать. Обычно мои партнерши этого и не требуют.

Но тут... Может, Элла специально мне такую ягодку-конфетку и подогнала?

В яблочко попала. С девчонкой так точно. Я оценил.

Ласкаю губки, смакую, можно даже сказать, любя целую. В какой-то момент понимаю, что малышка обмякла, расслабилась, может, даже успокоилась.

Отодвигаюсь на пару сантиметров, смотрю в её глаза.

Вижу, что затуманились, помутнели. Смотрит на меня, словно не видит, и опять дрожит, да, собственно, и не переставала.

– Ну что, – говорю тихо, боюсь спугнуть, – дальше будешь ломаться, или уже закончим игру?

– Какую... игру?

– Такую. Игру в недотрогу закончим? Или ты мне скажешь, что это был твой первый поцелуй? – ухмыляюсь, почему-то прекрасно понимая в этот момент, что чувствуют искусители, соблазняющие невинных дев.

– Не первый.

Что и требовалось доказать!

– Первый был в машине...

Качаю головой. Дурочка. Не понимает, чем это ей грозит?

– И как, понравилось?

– Нет.

– Врешь...

Отстраняюсь, пора заканчивать с этим детским садом. Я голодный и злой.

Делаю шаг назад, жестом приглашая ее пройти дальше, в гостиную.

Но Лика-клубника не спешит. Задает вопрос, который вгоняет меня в ступор.

– А Полина живёт в этом доме?

Глава3

– Полина? Откуда ты знаешь о Полине?

Мгновенно превращаюсь в собранного, теперь уже по-настоящему злого мужчину.

Семью мою трогать нельзя. Ни под каким предлогом. То, что имя моей дочери произносит какая-то...

– Я...

– Рот закрыла. И не смей произносить ее имя, поняла? И... вон пошла отсюда. Элеоноре я позвоню, не сомневайся. Думаю, ты у нее больше не работаешь.

– Она... Элеонора Григорьевна так со мной не поступит. Она... она знает, что у меня выхода нет.

– Выхода нет, это значит – надо на панель идти? Учиться не пробовала? Нормальным чем-то заработать?

– Я училась! И зарабатываю нормальным!

– Я вижу! Эскорт-услуги! Офигенно нормальный заработок!

– Что? Какие... – Ее глаза становятся еще больше, чем раньше. Просто по пять рублей.

– Такие. Думаешь, я не в курсе, чем вы там у Элки занимаетесь, модели-шмодели? Название красивое придумали, а на самом деле...

– Я... я ничем таким не занимаюсь я... я музыку преподаю.

– Что? Что ты мне лапшу вешаешь, сикильдявка? Что ты там преподаешь? Где?

– Музыку. В детском саду. У... у вашей дочери.

– Чего? – Смотрю на неё и хочется откровенно заржать, что я и делаю. Это недоразумение Элкино, с фантазией. Вот только дочь мою я точно трогать не позволю! – Ты совсем оплоумела, девочка? Страх потеряла?

– Я... я правду говорю... я... Вы не верите? – глазищами хлопает, да закончит она уже этот цирк? – У меня... у меня доказательства есть. Сейчас.

Лезет в свою сумочку – сейчас только замечаю, что это даже не сумочка, небольшой рюкзачок, что на спине у нее болтается. Никогда не пойму страсть девиц к этому убожеству вместо нормальных сумок.

– Вот. – Достает какую-то книжку, протягивает мне.

Это не книжка, альбом с фотографиями. На титульном листе надпись – Детский музыкальный сад «Веселые нотки».

Что?

Сглатываю, открываю первую страничку. Там фотографии каких-то женщин. Нет, не каких-то. Пару я точно знаю. Воспитатели моей Пушинки – Ирина Сергеевна и Светлана Владимировна.

Взгляд падает на фото пожилой дамы.

Сглатываю еще раз...

Директор детского сада Элеонора Григорьевна Сазонова. Твою ж... дивизию...

А рядом... рядом с ней на фото Лика-клубника. В той же скромной строгой блузке с брошкой. И юбка та же. И пучок.

Холодею, чувствуя, как горячий пот начинает течь по спине.

Ангелика Витальевна Клубничная.

Серьезно? У неё фамилия Клубничная? И зовут не Анжелика, а Ангелика? Ангел, значит? Или... все-таки... Лика-клубника... Не зря, значит, я ее так окрестил.

Выходит, она... а я её чуть не...

Чёрт...

Зажимаю пальцами переносицу.

Кретин. Идиот.

Воспроизвожу в памяти ту минуту, когда зашел в домик охраны и увидел её.

Ведь сразу подумал – училка!

Дебильная блузка с жабо и брошкой, точно, как у этой придурочной Снежаны Денисовны из глупой передачи. Я сам-то ее не смотрел ни разу, видел пару сюжетов, на мемы разобранных.

Пучок такой строгий, словно ей не двадцать, а...

А, кстати, сколько? Сейчас вот мне кажется, что ей и двадцати нет. Но разве взяли бы такую молоденькую в элитный детский сад?

– Лет тебе... вам... сколько?

– Это имеет значение? – голосок все еще дрожит, но в нем уже больше уверенности.

Не имеет, конечно, и вообще, я не вправе спрашивать. Но как выпутаться из этой истории?

– Двадцать один, если вам так интересно, – крепнет голос, становится четче, – будет... Скоро.

– Скоро, это месяцев через одиннадцать? – не могу удержаться, поднимаю глаза на нее. И тут же хочется сквозь землю.

Чёрт, она правда же малышка совсем. Наивная, это теперь невооруженным глазом видно. Может, и невинная. Чувствую комок, к горлу подступающий.

– Тебе... вам умыться надо. Ванную я покажу.

– Не надо. Я...

– Надо. Поверьте. Пойдемте со мной.

– Я никуда не пойду.

– Не бойтесь. Я... я все понял. Осознал. Принесу свои извинения.

– Принесете? – В ее голосе уже звучит ирония. Ого? Пришла в себя, что ли? Осмелела?

– Принесу.

– Ясно.

Принесу. Блин, уже надо приносить, а не трындеть.

– Ванная комната по коридору направо, первая дверь.

– Спасибо.

Идет боязливо, от меня отшатываясь. Косится, видимо, боясь, что я за ней пойду.

Как только малышка скрывается из виду, я закрываю лицо руками и начинаю тихо беззвучно ржать.

Да уж. Попал ты, Александровский! Уж попал, так попал!

Малышки нет уже минут десять точно. Лихорадочно соображаю, что же мне делать.

Ну, прощения просить – очевидно.

Хоть и стремно, конечно.

Ну и... как-то надо компенсировать, что ли?

Но как? Деньгами?

Почему-то представляю, как даю её веер из «пятихаток» и получаю этим веером по морде.

Скорее всего, ведь так и сделает?

Так, а если на карту перевести? Чтобы не знала, что от меня? Хм, тогда какая же это компенсация?

Цветы – как-то пошло. Конфеты – еще хуже. Вдруг у нее аллергия? И потом, такие как она явно следят за фигурой, не худышки вечно боятся поправиться, это доскам по фигу, они чаще и едят как не в себя, а все плоские.

У сеструхи Варьки есть такая подружка, Алина, вечно клеится ко мне, суповой набор, не за что приятно подержаться. А в ресторане как-то сидели вместе, так она съела больше, чем я.

Мысленно возвращаюсь от чахлах прелестей Алины к шикарному бюсту училки, которая смывает размазанную тушь в моей ванной.

С такой бы в джакузи, на фоне гор, было бы зачетно.

Интересно, если предложить сменить род деятельности и работать с другой Элеонорой – поведется?

Ухмыляюсь, сам понимаю – нет, конечно.

Не из таких девочка.

И то, что я ее за эскортницу принял – мой косяк.

Так, и как бы все-таки ее... задобрить? Чтобы она не растрепала по всем, что я её тут... Зажимал... И целовал?

Чёрт, понимаю же, что такая вот Лика-клубника и не расскажет ничего.

Постесняется.

Блин... Неожиданно меня ломает от мысли, что я вот так по-дурачки ее обидел, оскорбил, унизил... Такую девчонку хорошую.

Да уж, Александровский, ни хрена ты в людях не разбираешься! Всегда так было!

Если бы парни – Егор с Жекой – не были бы по жизни рядом, вместе, то мне бы вообще была труба.

Я только в бизнесе сразу секу, кто со мной, кто против. С кем можно дело иметь, а кого сразу за ограду.

А в жизни...

У меня и с женщинами не срастается поэтому. И с бывшей супругой такая вот «шняга» вышла. И дамы сердца постоянной тоже из-за этого нет.

Не тех выбираю. Да в последнее время и не выбираю.

– Извините, я... закончила. Можно мне идти?

Поворачиваюсь посмотреть на красоту и хочется замереть. Потому что она реально – красота.

Чистая, нежная, смущенная.

И ведь денег не возьмет, и цветы тоже, и...

Может, садику этому какую помощь предложить? Площадку детскую отстроить? Да вроде все у них там упаковано, не зря бабки платятся приличные. Тысяч по пятьдесят в месяц вроде плачу. Конечно, Полина могла бы и дома с няней, но моя мама сказала, что в саду ей будет лучше, мама сама когда-то воспитателем работала, так что ей виднее.

Да, девчонка сказала, что музыку преподает?

– Инструменты у вас в саду есть?

– Что, простите?

– Вы на чем играете?

– Я? На... на фортепиано, могу на аккордеоне, еще на гитаре... – краснеет, смущается.

А у меня... у меня опять все по стойке смирно.

Сглатываю слюну. Что делать – не представляю даже.

– Я... – хочет что-то добавить, но застывает нерешительно.

– Да не бойтесь вы меня. Я... осознал. Просто... получилась совершенно идиотская ситуация. Я перепутал вас с... – ох ты ж, я не могу при ней это сказать! И вообще... – Не важно. Я готов компенсировать.

– Что? – глаза ее округляются, смотрит так, что хочется провалиться сквозь землю.

– Я мог бы купить какие-то инструменты для сада или... лично для вас.

– Спасибо. Лично мне ничего не надо. О помощи саду вы можете с Элеонорой Григорьевной договориться.

– Да, понял, но... Я хотел бы лично с вами.

Смотрю, понимая, что у меня на лице написано, что бы я хотел лично с ней. Она снова вспыхивает, щеки как маки.

– Не надо. Спасибо. Я пойду?

Пойдет она! Как бы не так!

Глава 4

Вот интересно даже, куда она сейчас пойдет? На улице ночь. Коттедж этот от ворот километрах в двух. Пешком потащится? А от ворот как? Тут ни автобусы, ни маршрутки не ходят в принципе – коттеджный охраняемый поселок, все на машинах, даже обслуживающий персонал. Или она тоже в поселке живет? Об этом я не подумал.

– Куда? И как? – интересно послушать и узнать, где проживает это... клубничное недоразумение.

– Домой, куда еще? – плечами пожимает. – Уже поздно.

– Вот именно. Поздно. Пешком пойдете? Вы тут живете где-то недалеко?

– Нет. Я живу у станции, но это неважно. Пойду. Всего хорошего.

– До станции километров пятнадцать.

– Да, – вздыхает, – я знаю, но тут в соседнем городке остановка.

– До нее тоже километров пять пилить.

– Ничего страшного. Допилю.

Это ее «допилю» меня добивает окончательно. Значит, не совсем запугана, если отвечает так?

– Я вас отвезу.

– Нет. Спасибо. С вами я не поеду.

– Поедете. Как миленькая. Кстати, – тут неожиданно ловлю мысль, которая сидит в голове и зудит уже давно. – Вы сказали, у вас ко мне дело какое-то? Что за дело?

– Это уже не важно. Не актуально.

– Да? А если подумать хорошенько?

– Я подумала. Спасибо. Всего хорошего.

Поворачивается и молча проходит мимо! Реально собралась «пехом» до городка? Отпустить бы ее, пусть бы топала. Да только... Ладно, у нас в поселке спокойно, даже рабочие тут элитные, везде камер понатыкано, хотя от ворья не спасает порой, но все равно. А вот за воротами можно нарваться на хороший беспредел.

И пойдет она ночью работать уже по другой специальности. И за бесплатно.

– Ангелика... хм... Викторовна...

– Витальевна.

– Ангелика Витальевна, все-таки лучше вам будет проехать со мной. Обещаю вести себя как примерный ученик.

Опускает голову, видимо, соображая, что дальше ломаться – не самый хороший вариант.

– Ладно. Только... водитель ваш. Он...

– Что? Напугал?

Мотает головой, непонятно «да» или «нет». А может... Чёрт, конечно, стыдно ей.

– Я отвезу вас сам.

– А он тут останется?

– Это имеет значение? Он живет тут рядом. Можем его подвезти.

– Да, хорошо.

Выходим из коттеджа. Она удивлённо смотрит на то, как сам по себе гаснет свет. И музыка стихает. Я ухмыляюсь, внимательно наблюдая за ней.

– Умный дом.

– Я поняла.

– Нравится?

Не смотрит на меня, но в лице чуть меняется, не хмурится, но...

Мы уже в машине, направляемся в сторону выезда из поселка. Степан пошел домой пешком.

Училка сидит сзади, тихо как мышка, кажется, и не дышит.

Вспоминаю, что она спрашивала про Полину, живет ли моя дочь в доме, в который я могу привести даму низкой социальной ответственности. Интересно...

– Вы спрашивали про мою дочь. Ваш визит как-то связан с ней?

– Это неважно.

– Лика... Ангелика Витальевна, все, что связано с моей дочерью, для меня важно. – Стараюсь говорить не грубо, но четко, так, чтобы сразу поняла.

Но она молчит. Ладно, хорошо. Поиграем в молчанку.

Вместо того, чтобы ехать к будке охраны, разворачиваюсь, держу курс к дому.

– Вы... вы куда меня везете? Вы...

– Мне нужно заскочить домой буквально на пару минут, возьму документы, потом отвезу вас, у меня как раз дела там, в районе станции. Не таскаться же мне туда-обратно?

Вру безбожно, но мне неважно, верит она или нет.

Торможу у парадного входа.

– Я могу подождать в машине.

– Нет уж. Полина мне не простит, если узнает, что вы были тут и я вас не пригласил, – даже не задумываюсь над тем, как бы Полина узнала.

– Папа! Папочка!

– Привет, Пушинка!

– Лика! Лика!

Моя солнечная малышка разжимает объятия и несется к «училке», та раскрывает руки, обнимает мою ласточку, прижимает к себе.

– Привет. моя сладкая!

– Лика! Ты приехала ко мне! Как обещала! Спасибо! Спасибо!

Смотрю ухмыляясь на музыкантшу, значит, обещала? Краснеет под моим пристальным взглядом, а я...

Я не вовремя вспоминаю, как она раскраснелась, когда я прижимал ее к стене, очень недвусмысленно давая понять, какие у меня планы на её аппетитное тело. Чёрт, очень не вовремя.

– Полина, прости, я ненадолго, времени мало.

– Почему? Пап? Ты уезжаешь, да? А можно Лика тут побудет, можно? У нас скор-ро ужин. И чай с печеньем. Мы с Нинель готовили.

– Я не против, Пушинка, но Лика спешит, – смотрю на неё невозмутимо, а она опять покрывается таким нежным румянцем.

Ну что, малышка, не отвертись?

– Да я... я тороплюсь, и твой папа сказал, что у него дела.

– Я могу отложить все ради ужина с дочкой, – смотрю на Лику, стараясь сохранять невозмутимое выражение.

Конечно, я мог бы просто по-хорошему попросить ее остаться и поужинать, но...

– Лика, Лика, пожалуйста! Ну пожалуйста! – Полина прыгает на места, держа учительницу за ладошки.

– Хорошо...

За столом моя дочурка ни на секунду не умолкает, рассказывает Полине, что у неё огромная комната, много игрушек, и она любит устраивать чаепитие.

– Только игр-рать не с кем, – разводит руками, – а игр-рать я люблю!

Правда, играть она любит. Это точно.

Моя куколка очень подвижная, развитая не по годам. Ей скоро пять, говорить она начала в год, в два уже строила большие, длинные предложения. Правда, букву «р-р» вот только осваивает, но мне сказали, что это нормально.

А еще я знаю, что моя девочка очень любит музыку. Вернее, полюбила, как только пошла в этот частный детский сад.

Теперь я понимаю, почему.

Я бы тоже полюбил музыку, если бы со мной занималась...

Так, стоп, Александровский... мысли! Опять! Лучше о них забыть.

И о дамочке этой, вернее, девочке, по сути, по-хорошему лучше забыть.

Куплю новое фортепиано в детский сад. И гитару. Да, еще аккордеон до кучи. А может...

– Лика... Хм, Ангелика Витальевна, может быть, вам нужно электронное пианино? Знаете, такие сейчас новые, я видел, японцы делают вроде?

Краснеет Лика-клубника, точно на ягодку похожа. Так бы и съел.

– Спасибо. Но я не решаю такие вопросы, все только с Элеонорой Григорьевной.

– Папа, папа! Конечно, нам нужно! Саду нужно! Лика игр-рает на таком стар-ром р-рояле! Ужас просто! Ужас! Катастр-рофа!

Не могу сдержать улыбку, и Лика тоже. Моя дочь в этот момент явно копирует кого-то из старших. Возможно, ту самую Элеонору...

– Спасибо вам за чай, мне правда пора.

– И ты даже со мной не поигр-раешь? – Пушинка моя дует губы, делает глазки умильные, как у котика из Шрека – да-да, я смотрю мультики, естественно, у меня же дочь!

– Полина, давай так, сегодня я Ангелику Витальевну увезу, но завтра, – смотрю на престелстную учительницу музыки, нагло улыбаясь, понимая, что в такой ситуации она мне не сможет отказать, – завтра я ее привезу пораньше и вы поиграете.

– Я завтра не могу... у нас... совещание.

– Совещание? У вас тоже бывают эти пр-ротивные совещания? У папы постоянно! Иногда на всю ночь даже!

Упс, теперь по ходу краснеть должен я. Неловко вышло. Лика же понимает, что ночи я трачу вовсе не на совещания? Или... нет? Ладно, шутка, я не краснею и смотрю прямо на неё.

– Послезавтра?

– Лика, ну поэ-зя! Поэ-зя! – Это наше словечко, которым мы постоянно пользуемся дома. Еще с тех времен, когда «пожалуйста» Полине было сложно выговаривать.

– Хорошо, послезавтра я приду. И привозить меня не нужно. Я сама доберусь, вы только... – опять краснеет, а мне почему-то становится жарко, – охрану предупредите.

– Обязательно, – касаюсь рукой ворота рубашки, хотя галстук я давно снял, кажется, что давит.

– Лика, а ты самое главное папе сказала?

Видю, что учительница опускает глаза, еще сильнее заливаясь краской, у нее даже ушки становятся розовыми.

– Нет, Полинка, извини... У меня... не получится.

– Как? – малышка округляет глаза и, кажется, готова заплакать, а я терпеть не могу, когда моя дочь плачет!

– Не получится что, Лика? – забываю субординацию, и вообще, называть эту мышку по имени-отчеству как-то...

– Папочка я... я хотела игр-рать... на пианино... Лика сказала, что... научит, и...

Смотрю на наглую музыкантшу уже сурово. То есть она обещала учить моего ребенка музыке, а теперь отказывается? Да я...

Готовлюсь высказать все, то думаю о ней, и тут меня осеняет!

Так она за этим пришла? Предложить мне свои услуги педагога?

Твою ж дивизию! Вот я... баран!

– Полин, Лике пора ехать, мы с ней в дороге все обсудим. Хорошо? Уверен, придем к... консенсусу.

– К чему пр-ридете, папочка?

– Договоримся, Пушинка!

Улыбаюсь и снова смотрю прямо на краснеющую как маков цвет учительницу.

Договоримся же, Лика-клубника?

В холле я галантно предлагаю Лике плащ, она старается просунуть руки в рукава так, чтобы оказаться подальше от моего тела, а я... Чёрт, я не должен, но нагло стараюсь придвинуться ближе.

Она только губы поджимает.

– Я могу и сама домой доехать.

– Я же сказал, что у меня дела на станции? – стараюсь говорить голосом, не терпящим возражений.

– Да, вы говорили, что вам надо документы взять, и ничего не взяли.

Не смотрит на меня, стоит, глаза в пол опустив, как будто я ее укушу.

На самом деле очень хочется. Укусить. И... повторить все то, что я делал с ней в машине и в коттедже. И больше.

Думаю об этом и сам себе удивляюсь. С дуба я, что ли, рухнул? Готов накинуться на эту девчонку, как... тигр оголодавший. Шерхан, твою ж дивизию...

– Ангелика Витальевна, я обещал отвезти вас домой и отвезу. Заодно и поговорим.

– О чем? – голосок испуганный сразу.

Нет, я привык, конечно, что обычно меня боятся, но... почему-то ее страх вызывает какие-то странные эмоции.

Не хочу, чтобы боялась!

Выходим из дома, веду ее к машине, намеренно долго не отвечая на вопрос.

– Так о чем?

Открываю дверь, галантно протягиваю руку. Хочу, чтобы сидела рядом со мной, на пассажирском, впереди. Вспоминаю, как задрал ее юбку, тогда, в первый раз.

Чёрт. Лучше бы не вспоминал.

– Ноги мои на этот раз трогать не будете? – Ого, эта мелюзга еще способна на иронию?

– А надо? Я могу. Если понравилось. – Что ты несешь, Александровский! Спугнешь ведь!

Так... ну и что, даже если спугну? Я, в общем, и должен ее спугнуть! Я вообще должен таких пугать! И все. И чтобы держалась подальше.

Она же сама сказала, что нецелованная! Или я что-то не так понял? И куда мне ее?

И потом, самое главное, о чем я забываю!

Она. Учитель. Моей. Дочери.

Всё! Это табу!

Смущается, понимает, что ляпнула не то, а я, вместо того чтобы отстраниться и дать ей самой в машину забраться, придвигаюсь ближе, и, ох ты чёрт, не могу-таки удержаться и подсаживаю за нижнюю часть спины, с удовольствием отмечая, что часть эта просто офигенная. Слышу, как тяжело, прерывисто дышит Лика и... наслаждаюсь этими звуками.

Что-то надо делать.

Не к добру это все.

Отвезу её и... может, реально вызвать какую-то бабу Элкину?

Закрываю дверь, обхожу тачку, в стекле вижу силуэт девушки, сидящей внутри. Нежной, наивной, клубничной...

Вот же зараза! После такой не хочется бабу!

Только такую вот и хочется.

Доигрался ты, Лёша, поздравляю!

Сажусь, сглатываю, говорю хрипло:

– Адрес точный?

– Вы меня, пожалуйста, высадите на станции, я...

– Лика, вы не поняли меня? – смотрю, понимаю, что веки тяжелеют, взгляд мой не каждый выдержит, а она...

Она все-таки боится. Дрожит. Чувствую.

– Пожалуйста... – почти шепчет, губу закусывает. Что ж за мода такая, губы кусать? Не ясно, что ли, какие это желания у мужика вызывает?

– Лика, – тоже снижаю тон, стараюсь говорить спокойно, даже ласково, – уже поздний вечер, у станции ошивается разная публика. Я не хочу, чтобы вы подвергали себя опасности.

– Я не подвергаю. Я же там каждый день хожу, меня все знают.

Что? Эта малышка каждый день шарохаётся там, где всякой «гопоты» полно? И так спокойно говорит об этом? Реально не понимает опасности?

– Лика, я повторяю еще раз, там ходить для такой, как вы, опасно.

– Такой, как я? – Взмахивает ресницами. – А что со мной не так?

– С вами... – Ох ты ж горе луковое! – С вами как раз все так. Очень даже так. Лика, вы... Вы очень красивая девушка.

Опускает глазки, снова вспыхивает, вижу, даже чувствую, скорее, ее румянец! Хочет ответить, но молчит – правильно делает, не надо со мной спорить!

– Вы красивая, чистая, беззащитная...

– Именно поэтому вы меня за... за гулящую приняли? – хватает смелости так сказать же, а?

Не могу удержаться, протягиваю ладонь, беру ее за подбородок, вижу, как испуг простреливает.

– Не бойтесь, я... Я дурак, Лика, что я еще могу сказать в свое оправдание? Просто дурак. Я же сразу подумал, что ты на училку похожа. То есть... простите, вы, похожи на учителя. Такая одежда и... пучок этот.

– Нормальная одежда. – Дергается, пытаюсь освободиться, но я не даю, как бы невзначай провожу пальцем по коже – мягкая, как шелк.

Мне кажется, я слышу, как ее сердце стучит. Как у кролика пойманного...

– Я не сказал, что ненормальная. Строгая. Консервативная. Девушки так не одеваются. Я... я решил, что это часть образа.

– Образа? – удивленно округляет глазки.

– Простите меня, Лика, еще раз. Что мне сделать, чтобы вы простили?

– Может, просто отпустить?

– Отпустить? – Моя очередь удивляться. Нет уж, Лика-клубника. Отпустить тебя я точно пока не готов.

Глава 5

– Вы мне скажете адрес, или мне звонить вашей начальнице и спрашивать у неё?
– Вам не кажется, что это слишком? Может... я не хочу, чтобы вы знали, где я живу?
– Боитесь, что я буду вас преследовать? – ухмыляюсь вальяжно, стараясь показать, что в мои планы не входит преследование таких, как она. Хотя именно об этом я думаю последний час точно!

– Нет. Не боюсь. Просто... да ладно, какая разница? Заводская, дом четыре.

– Заводская, дом четыре. Отлично. Едем.

– Да, спасибо.

Расслабляется, когда я опускаю руку, но почти сразу вновь вытягивает как струнка.

Выезжаю за территорию нашего поселка. Дорогу до станции мы сделали сами, довольно качественную, поэтому едем быстро.

Пока рулю, вспоминаю, что за улица такая, Заводская, и где там дом четыре. А когда соображаю, где это, прихожу в легкий шок.

Есть у станции три старых-старых барака постройки годов пятидесятых. Их давно пора сносить, но кто это будет делать? Строить там что-то бессмысленно, расселять людей некуда. Так и живут, бедняги.

И эта малышка, получается, там обитает? Ничего себе...

– Вы там давно... хм, проживаете?

– Давно. Почти с рождения.

И молчит. Интересно, как она там выросла и... сохранилась? Да еще и в музыкальную школу ходила! И училище окончила, наверное? Там же одни... отбросы по сути? Алкоголики?

– Я поэтому и не хотела вам адрес говорить.

– Почему?

– Потому. Вы сейчас сидите и думаете, как такую, как я, взяли работать в ваш элитный сад, да?

– Нет. Я думал вовсе не об этом. И сад не мой.

– Я знаю, что вы соучредитель. На ваши деньги его строили и содержат.

– Не только на мои. Несколько жителей поселка вложились. И... деньги за ребенка я плачу, как все, так что...

– У меня есть образование, и я имею право с детьми работать, и медкнижка у меня в порядке.

– Я разве что-то сказал?

– Элеонора Григорьевна знает о том, кто я и откуда.

– Лика, притормозите, а? Я разве вас в чем-то обвинил?

Опять молчит. Отворачивается, глядя в окно, словно там что-то важное.

– На углу остановите, пожалуйста.

– А к подъезду не проще подъехать?

– Пожалуйста, вы можете сделать так, как я прошу, а?

Поворачивается резко, в глазах слезы! И в голосе чувствую истерику. Чёрт. Мне это совсем не нравится.

– Лика, я остановлю там, где вы просите.

– Спасибо.

Как раз подъезжаю к нужному повороту, проезжаю еще метров двести.

Господи, тут хоть один фонарь горит? Темень, как в... Не важно. Как ОНА тут ходит?

Торможу, паркуюсь. Лика поворачивается, видимо, чтобы поблагодарить, но... Я пока не готов ее отпустить.

– Да... Насчет того, зачем вы ко мне приходили. Вы хотите дополнительно заниматься с Полиной?

Вижу, что она мнется, не знает, что сказать.

– Лика? Хм... Ангелика Витальевна? Вы обещали моей дочери, что будете с ней заниматься?

Вскидывает глаза испуганно.

– Я не обещала! То есть...

– Что? – Почему-то хочется быть с ней строгим сейчас. Напугать. Дать понять, что я со своей дочкой играть в такие игры не позволю! Если обещала – надо держать слово!

– Извините.

Опускает голову и... Чёрт, плакать опять вздумала, что ли?

– Лика?

Делаю движение к ней, она, видимо, замечает и быстро шарахается от меня, дергает дверь – заблокировано.

– Почему вы закрыли?

– Лика, успокойтесь. Я открою.

– Откройте. – Не смотрит на меня, через паузу добавляет. – Пожалуйста.

– Лика, вы хотели заниматься с Полиной?

– Да. Она... она очень способная, и ей нравится играть.

– Играть? – удивленно переспрашиваю. – Как играть?

– На фортепиано. Я... я в садике с ней занимаюсь. Как-то раз заметила, что она пытается сама, ей интересно, она... она песенку подбирала. И я решила ей помочь. И, знаете, она на самом деле очень способная девочка.

– Ты хочешь сказать, что она сама играет на пианино? Ей всего пять лет!

– Не всего, а уже. Я тоже начала заниматься в пять. И... мне было бы спокойнее, если бы вы называли меня на «вы».

– Извини... те, – добавляю, нагло ухмыляясь. На самом деле обалдел от ее слов.

Полинка играет на пианино! Это же здорово! Мама обрадуется, она в свое время мечтала, чтобы я или моя сестра Варюшка занималась музыкой. Но нам обоим благополучно медведь на ухо... А Поля, значит, способная?

Впрочем, чему я удивляюсь? Гены у моей бывшей все-таки были неплохие.

– Вы меня отпустите?

– Мы еще не все обсудили. И к консенсусу не пришли, – делаю движение, поворачиваясь к ней ближе, а она как лань запуганная к двери жметя.

Вот же блин...

Я, конечно, тот еще фрукт, весь вечер косяк на косяке!

– Ангелика Витальевна, не бойтесь меня. Я вас не трону. – Стараюсь изо всех сил сдерживать то ли ухмылку, то ли усмешку...

Тронуть ох как хочется. Но я же вроде для себя решил, что она – табу?

Или...

Не или, и не вроде, Александровский! Ты решил! И все! Точка.

– Ангелика...

– Можно просто Лика.

– Лика. Я хочу, чтобы вы занимались с Полиной. Что для этого нужно?

– Что нужно? Да... не знаю, наверное... – мнется, явно опасается меня задеть.

– Вы хотели приходить к нам домой заниматься?

– Я? Нет! – вспыхивает, словно я что-то ужасное сказал. – Я... думала...

– Что?

– Ничего. Неважно.

– Лика! – говорю уже с угрозой в голосе. – Вы закончите мямлить уже? Говорите как есть. Вы хотели бы ходить к нам, но после... после сегодняшнего инцидента боитесь, так?

– Нет, я... да... я просто... я не смогу, наверное...

– Почему?

Чёрт, хочется прямо спросить, неужели так не понравилось со мной целоваться? Ага, спроси! Спроси, Лёш! И больше у тебя вообще не будет шансов...

Так, стоп. Кто сказал, что мне нужны эти шансы? Что мне в этой пигалице? Училке закомплексованной, которая в свои двадцать – или сколько там ей? – не целовалась ни разу? Там небось заросло все... Чё-ёрт... о чем я опять?

А она смотрит испуганно, словно все мысли мои читает!

– Лика, давайте договоримся. Вы будете приходить к нам. В удобное вам время. Я, скорее всего, буду в это время отсутствовать, потому что работаю я много. Вам это подходит?

– А... инструмент? У вас же нет инструмента?

– Это меньшая из проблем. Он будет завтра же. Ну, крайний срок – послезавтра, если вы подскажете, какой именно купить.

– Да, конечно, я... я скажу.

– И об оплате...

Снова губу закусывает, голову опускает.

– Я много не возьму, я... мне если только чтобы проезд оплатить к вам туда, и...

– Три тысячи хватит?

– Да, нормально. Если два занятия в неделю, на месяц как раз.

– За одно занятие.

– Что? Вы... нет! Это... это много! Очень много!

– Для меня нормально. Я готов платить.

– Нет!

– Что? – честно, уже надоело это ее постоянное пререкание! Женщина, просто говори мужчине «да» и соглашайся, это же так просто!

– Я не буду заниматься за такие деньги. Это очень много. Пятьсот рублей мне хватит.

– Тысяча. – Честно, я наобум сказал «три», даже не представляя, сколько это может стоить.

Просто если умножить три на два, и еще на четыре, это всего двадцать четыре тысячи в месяц? Так мало? А если еще уменьшить в три раза? Всего восемь? Капец...

Бессребреница она, что ли?

– Договорились, Лика. Запишите мой номер, пришлите мне на ватсап модель пианино, и...

Интересно, она сказала деньги на проезд, как она собирается к нам ездить?

– Как вы будете добираться?

– Если вам удобно... ваш водитель забирает Полину по вечерам. Вторник и четверг я могла бы приезжать с ней. Занимаемся час, это нормально, мы поиграем, послушаем музыку, попоем, ей не скучно будет и час она выдержит, а потом...

– А потом мой водитель будет отвозить вас домой.

– Нет, это неудобно.

– Удобно. Мне так удобно, Лика. И вам тоже. Я не готов к ответственности, если на вас вечером нападут, и...

– Не надо. Пожалуйста. Никто на меня не нападет.

– Лика. Я сказал, что водитель будет вас возить, и все.

– Всегда все только по-вашему, да?

Ого! Не побоялась выступить! И... смотрит мне прямо в глаза.

Не знаю, сколько проходит времени. Минута, две, три? Мы просто смотрим друг на друга. Я откровенно люблюсь ею.

Красивая. Нежная. Трепетная... Невинная...

Чёрт. Слишком молоденькая и невинная. Не для меня.

Или я не для неё. Циник. Бабник. Любитель острых ощущений.

– Да. Всегда.

Хмыкает осторожно, вижу, как губы дергаются, улыбнуться хочет, но, видимо, опасается.

– Договорились, Лика?

– Хорошо, ладно. – Как одолжение делает! Нахалка юная! – Я пойду?

– А телефон?

– Ах да...

Достает свой гаджет, смотрит на меня. Диктую.

– Теперь наберите мне.

– Зачем?

– Чтобы у меня высветился ваш номер.

– А зачем... ой, да... все равно же, – бормочет, потом снова губу свою истерзанную закусывает.

Чувствую вибрацию, лезу в карман. Отлично. Сохраняю – Лика-клубника – могу же я побаловаться?

– Я пойду?

– Так торопитесь?

– Я... – Видно, мой вопрос сбивает ее с толку. – Алексей Николаевич, простите, но если вы будете... то я... я не смогу заниматься с Полиной, если вы...

– Если я что? – Господи, я просто подонок, но мне нравится выводить ее из равновесия, заставлять краснеть.

– Если вы будете пытаться со мной играть.

– Играть? – интересно. – А разве я играю?

– Я не знаю, как это еще назвать. Но мне кажется – да. И вам это нравится. Вы... веселитесь. А мне... мне неприятно и стыдно. И я... – Ничего себе! Она не стесняется говорить правду! – Я не знаю, как себя вести. Мне неловко. Потому что я... Я не умею играть в эти игры.

– Не умеете?

– Не умею.

– Это же хорошо, что вы не умеете.

– Я играю только на музыкальных инструментах.

– Хорошо играете? – Мы снова смотрим друг на друга, и я понимаю, что не хочу никуда ехать. И отпускать ее не хочу. И вообще...

Чёрт-те что происходит со мной сегодня вечером. Чёрт-те что.

– Хорошо. – Говорит так, словно у нее в горле пересохло.

– Я хотел бы, чтобы ты сыграла для меня. – Кажется, я совсем с ума сошел, потому что беру ее за руку, наклоняюсь ближе, и...

Глава 6

Господи, что за день такой!

Вернее, что за вечер!

Забегая в дом, по лестнице вверх, стремительно по коридору, спрятаться в свою комнату, зайти, скрыться...

– Анже-е-елка! Ты пришла? – Ох, мамочки... Пьяный голос отчима все-таки настигает, но я успеваю захлопнуть дверь и закрыть на ключ, прежде чем он вломится.

Анжелка! Ненавижу, когда он так говорит! Ненавижу! А он... может, и не назло, просто все мозги уже... Эх...

Не думать об этом, не думать! Все хорошо!

Я работаю, нормально зарабатываю, скоро буду еще больше получать и смогу, наконец, уехать из этой халупы!

Я уже присматривалась к новому жилью, которое в соседнем поселке строят. Специальный микрорайон для тех, кто работал на севере, для бывших газовщиков и нефтяников. Кварты там, конечно, недешевые, для нас, для местных, но нам делают скидку, потому что вообще-то там должны были строить дома, чтобы как раз наши бараки расселить. Мне бы еще хоть немного подкопить на первый взнос!

Ох, и почему я, дуручка, отказалась от трех тысяч за занятие? Он же сам предлагал?

Он...

Мамочки... Он... ОН!

Алексей Николаевич Александровский. Отец моей воспитанницы. Один из учредителей нашего детского сада. Очень богатый человек.

И... очень красивый мужчина!

И как мне это забыть теперь?

Он ведь меня за падшую принял! А я, глупая, не поняла сразу. Ох, стыд-то какой!

И отпор нормально дать не смогла. Зажалась, задеревенела вся... В ступор впала от испуга.

Но в то же время... мне было очень любопытно, интересно. Что странно, учитывая мои личные обстоятельства.

Но самым ужасным было то, что... мне понравилось то, что он со мной делал!

Господи, мне ОЧЕНЬ понравилось!

Поцелуи его понравились. И тот первый, дерзкий, даже... пошлый, в машине. Когда он мне рот затыкал и словно клеймил одновременно.

И потом, в том доме...

Ох...

Ведь если бы я не сказала про Полину, он бы... Я не смогла бы его остановить, это точно!

Он ведь как танк!

Нет, на самом деле он не огромный, как его водитель, к примеру. Тот как... шкаф. Точно! Шкаф!

А Алексей Николаевич... Алексей... Другой. У него фигура атлетическая, но явно не перекачанная.

Я как-то видела летом, как он бегал и на велосипеде ездил. Он высокий, стройный, поджарый, с красивыми мускулами, бицепсами.

Боже, Ли́ка, о чем ты думаешь! Забудь...

Забудь! А как, если не получается?

И ведь так хорошо понимаю, что мне нельзя! Нельзя даже мечтать о нем!

Такой, как я...

Где он и где ты, Клубничная?
Резкая трель телефона заставляет вздрогнуть.
Сообщение пришло?
Открываю и вижу:

«Вы дома, все хорошо?»

Меня в жар бросает. Это он написал мне! Он! Сам! Алексей... Николаевич, конечно, Николаевич! Я не должна называть его просто по имени.

Еще трель. Еще сообщение.
«Ау? Ответь, а то сам пойду проверять!»

Ого... опять на «ты», и так фамильярно! Но мне так приятно, что коленки подкашиваются!

Еще трель, на этот раз звонок. Сглатываю слюну.

– Аллю?

– Почему не отвечаете, Лика?

– Я... как раз собиралась.

– С вами все в порядке? Вы дома?

– Да, я в своей комнате. Все хорошо.

И именно в этот момент – ох, как по заказу! Дикий вопль.

– Анже-е-елка! Открой дверь... с-с-су... Открой с-с-сказ-з-зал.

Понимаю, что мужчина, который находится по ту сторону телефонной трубки, слышит эти пьяные выкрики.

– Лика, это кто там?

– Никто, неважно, я дома, со мной все хорошо. Правда. До свидания.

Я не успеваю нажать на экран, как раздается еще один стук, отчим ногой в дверь колотит и орет.

Господи, как же я от этого устала! Нет, он буйный только в этой фазе. Обычно я прихожу раньше, успеваю даже иногда поужинать. Его нет. Он во дворе с друзьями или в гаражах.

Потом приходит.

На самом деле приходит он не затем, чтобы меня ударить или сделать мне плохо. Он приходит прощения просить. Сейчас вот упадет там, под дверью, в общем коридоре, будет рыдать, маму вспоминать, говорить, что жизнь её сломал, сгубил... Я все эти его фразы уже наизусть знаю. Они года три уже не меняются. Орет он недолго. Если кто-то из соседей-мужчин дома – его быстро затыкают. Закидывают в его комнату и...

Плохо, что из соседей мужчин нормальных только Антон остался да Дмитрий Егорович. Остальные кто умер, кто уехал, а кто, как мой отчим, Сергей, спился...

Хорошо, что я у Александровских дома перекусила. У меня в комнате только чайник, чай и кофе. Печенье я вчера доела. Да есть и не хочется.

Хочется спать. Лечь в кровать и мечтать.

Конечно, еще бы душ принять, но это можно только ночью. И то быстро, а то баба Настя начнет орать, что я ей спать не даю.

– Анже-е-елка! Детка! Мил-л-лая... ты пр-р-расти меня-я-я...

Началось.

Падаю на кровать и реву. Как же мне это надоело! Господи, помоги! Сделай так, чтобы я уехала отсюда, и...

Внезапно слышу, как вой отчима резко обрывается. Звуки какие-то странные, словно кинули что-то тяжелое.

Потом кто-то резко дергает мою дверь.

Нет! Ее так просто не откроешь! Плавали – знаем! Специально установила железную, чтобы никто не...

– Лика, ты там? С тобой все хорошо?

Мамочки... неужели это...

– Лика, откройте!

Быстро вскакиваю с кровати, лечу к двери, поворачиваю ключ. И отпрыгиваю, потому что Алексей Николаевич заходит, закрывая собой весь дверной проем.

Вижу, что в коридор выглядывают соседи, но тут же трусливо прячутся.

Александровский заходит в комнату, осматривается.

– Почему темно?

– Я... я легла спать...

– В одежде? Где свет включается? – не дожидаясь ответа, сам находит; загорается лампочка, и я шурю.

Он закрывает за собой дверь, критично оглядывает меня.

– Он тебе что-то сделал? Ударил?

– Нет. Ничего. Я пришла и сразу дверь закрыла.

– Почему плачешь?

А так непонятно, без объяснений?

Опускаю голову. Не знаю, что сказать ему. Просто реально не знаю.

Всю мою жизнь если только рассказать, почти с самого детства, опуская некоторые подробности.

– Ладно, я понял. В общем так, собираем вещи, тут ты не останешься.

– Что? – смотрю потрясенно, это он серьезно сейчас?

– Лика, поздно уже, скоро спать надо ложиться, поэтому давай обойдемся без пререканий.

Чувствую, что внутри все трясется. Кто ему вообще дал право мной командовать?

– Я вам не Лика. А Ангелика Витальевна. И мы договорились на «вы». И я тут живу и никуда переезжать не собираюсь. Ясно?

– Ясно.

Ответил и замолчал! Нет, вы посмотрите на него! Это нормально? Стоит и разглядывает меня!

Проходит минута точно. Еще. Я хорошо разбираюсь во времени. Иногда проигрываю в голове такты какой-нибудь мелодии, четко, как по метроному, проверяя секунды.

На третьей минуте не выдерживаю.

– Что вы так смотрите?

– Пытаюсь понять, почему тебе хочется тут остаться?

– Разве не очевидно? Это мой дом!

– Это дом? Seriously? Вы, Ангелика Витальевна, на полном серьезе считаете вот это домом?

Он делает движение, опускает кулак на стену – штукатурка сыпется. С ужасом вижу, как его пальцы тянутся к кромке обоев, сейчас подцепит – и оборвет! А это я сама клеила! Как смогла!

– Не надо!

– Красили в прошлом веке? А обои? Тут плесень везде. Сырость. Запах соответствующий. Это нормально?

Что? Ему не нравится, как у меня пахнет? Чувствую поднимающуюся ярость. Вот же... сноб!

– А пьяные мудаки, орущие под дверью, это нормально? А что будет, если в следующий раз ты не успеешь зайти в комнату и закрыть дверь?

Что будет? Сейчас я ему покажу, что будет! Делаю шаг, подходя почти вплотную, чувствую, как глаза сверкают, и вся просто искрюсь от гнева!

– Знаете, что? Выметайтесь отсюда!

– Что? – мне явно удалось его удивить.

– Вон! Пошел вон отсюда, понял! Хам!

– Я хам?

– Да! Ты. Думаешь, если ты богатый, наворовал свои миллионы, то можешь всем указывать, как жить, да?

– Что ты...

– Я сказала – убирайся! Уходи! Вон! Не нравится – никто тебя тут не задерживает! Пошел вон!

Никогда я не чувствовала себя такой униженной и такой злой! В ярости бросаюсь на Александровского с кулаками, луплю по дорожному пиджаку, пытаюсь отпихнуть от двери, чтобы открыть ее и выставить этого гада вон!

– Дом ему мой не нравится, запах не нравится! Я вашего мнения не спрашивала! Я не просила сюда заходить!

– Успокойся.

– Я спокойна! Убирайтесь, я вам сказала!

– Лика!

– Вон!

Неожиданно он хватает меня за запястья и прижимает к стене.

– Успокойся, я сказал! – смотрит так зло, холодно, и я в ужасе понимаю, что натворила. Скорее всего, переехать из моего барака я смогу нескоро.

Из садика меня, я так понимаю, попрут. О подработке в качестве учителя его дочери я точно могу забыть.

Прощайте, мечты о новой квартире.

– Тихо.

Что-то меняется. Он почему-то двигается ближе. Я чувствую аромат парфюма, такой теплый, древесный, изысканный. И аромат мужского тела тоже, острый, мускусный.

– Лика... – он говорит почти шепотом. Мне кажется, он заполняет собой все пространство вокруг. Его так много! Он... такой большой. Моя и без того крохотная халупа кажется еще более крохотной.

Я чувствую себя странно. Я только что злилась, была в ярости, пылала праведным гневом, а теперь...

Теперь во мне пылает что-то совсем другое. Я дрожу, мне тяжело дышать. Я пытаюсь сделать вдох, один, второй, третий...

Мне очень обидно. Не сдержалась, повела себя как истеричка! И вот так походя взяла и сломала свою жизнь. Ну, почти сломала. Придется все выстраивать заново. Искать место. В наших краях не так просто найти работу по моей специальности. Всего два детских садика и одна школа. И вакансий музыкального педагога там нет. А куда-то уехать я пока не решаюсь. Да, до Москвы на электричке ехать чуть больше часа. Но я боюсь столицы. Слишком много людей, слишком суетно все. Можно попытаться устроиться в ближайшем большом городе. Надо думать...

– Лика, простите меня, пожалуйста. Я повел себя бестактно. Я не имел права обсуждать ваш дом и то, как вы живете.

Всхлипываю, чувствуя, как горячие соленые слезы стекают по щекам.

– Лика... вы плачете? Не нужно, пожалуйста.

Если бы все было так просто! Он отдает приказ – и я не реву! Но так не бывает.

– Лика... – О господи, его рука на моем лице, он большим пальцем стирает слезинку.

Судорожно пытаюсь дышать, но не получается, а он... Он все так же стоит близко. Почти касается телом.

– Простите, Лика, я просто реально испугался за вас. Этот район, дом-барак, пьяные вопли. А вы такая...

– Какая?

– Такая... хрупкая. Нежная. Вас сломать можно.

Силюсь улыбнуться. Сломать... Сколько раз пытались, а я все держусь, как-то живу. И даже... даже могу чувствовать себя счастливой.

– Лика... хм... Ангелика Витальевна, я прошу вас... Поедьте со мной. У меня большой дом. Есть несколько гостевых комнат. А завтра утром решим, что с вами делать.

Что со мной делать? Интересная постановка вопроса. Что со мной делать.

– Алексей Николаевич, я тут живу, это мой дом. Я не готова никуда уезжать. Мне это не нужно, правда.

– Я вас тут не оставлю. Если он очнется? Или придет кто-то еще?

– Очнется? А... что вы с ним сделали?

– Ничего, просто вырубил слегка, проспится – будет как новый. Кстати, кто это, сосед? Может, его привлечь за угрозы?

– Это мой отчим. Ну, вернее, бывший муж моей мамы, так вернее назвать.

– Ясно.

– Его периодически забирает участковый на пятнадцать суток. Потом обратно.

– Веселая жизнь. Так что, поедем к нам?

– Нет, извините. Это неудобно. На самом деле я живу нормально. Тут... тут многие так живут. Ну, не очень повезло, что ж... Я работаю, скоро накоплю на первый взнос, возьму ипотеку и перееду.

Не знаю, зачем я ему это рассказываю, но очень не хочется, чтобы он меня жалел, чтобы помогал из жалости. Не надо. Жалость его мне точно не нужна.

– Лика, я не могу вас тут оставить. Просто... не представляю, как я сейчас поеду домой, а вы останетесь тут. Одна.

– Не одна. Тут на самом деле соседи хорошие, помогают. И потом. Я правда тут давно живу. Раньше жила с мамой. Сейчас вот... одна. Все нормально. Это обычная жизнь обычного человека.

– Вы... не обычная.

– Нет. Самая обычная. Просто... это вы живете в другом мире. Так что... Возвращайтесь домой, Алексей Николаевич. У меня все будет хорошо. Первое занятие с Полиной послезавтра, так что... Вам нужно купить пианино.

– Лика, Ангелика Витальевна... – Почему-то у него такой хриплый голос. А я... все-таки справилась со слезами.

Я на самом деле не хочу его жалости. Ничего не хочу.

Я не верю в сказки. Такой мужчина, как он, не обратит внимание на такую, как я. А если и обратит, то это будет несерьезно. Мне будет очень больно. А он наиграется и бросит, перешагнет и пойдет дальше.

Эти уроки уже усвоены.

– Уже поздно. Я правда устала и хочу спать. Еще... еще в душ надо сходить, а то соседка будет ругаться, что я среди ночи ее бужу.

– Лика, подумайте хорошо, моё предложение вас ни к чему не обязывает.

– Алексей Николаевич, не нужно...

Мы оба слышим вибрацию. Его телефон. Он достает трубку.

– Да, солнышко. Конечно, я уложу тебя спать, уже еду.

Вот и всё. Он уезжает. И замечательно, а то... еще пара минут, и ему удалось бы меня уговорить. Я пошла бы с ним, а потом пожалела.

– Лика...

– Алексей Николаевич, вас Полина ждет. Не переживайте за меня, со мной все нормально.

– Хорошо. Мы... еще вернемся к этому вопросу. До свидания.

– Спокойной ночи.

– Не уверен, что она будет спокойной.

Он уходит, не оборачиваясь, тихо прикрывая за собой дверь.

Закрываю замок, стекаю по гладкой поверхности вниз.

Сумасшедший вечер.

Почему-то внутри тянет, свербит. Опять хочется плакать.

И еще... почему-то горят щеки, и я чувствую себя немножко счастливой!

А потом снова слышу стук в дверь...

Глава 7

Просто жест. Не знаю, какими словами это описать, но... Уехал от нее и каждую секунду после ругаю себя последними словами!

Нужно было просто взять в охапку и утащить из этого бомжатника.

Ну как? Как такая девушка там живет? И почему?

Надо бы справки о ней навести, уже подумываю позвонить своему «безопаснику», но в последний момент останавливаюсь.

Так нельзя. Нехорошо. За её спиной начинать какие-то расследования – непорядочно.

Выдыхай, Александровский. Захочет девочка – сама расскажет.

Стоп. Захочет – расскажет? Получается, что я жду, что мы с ней будем общаться?

Жду. И не только общаться!

Вкус ее губ клубничных запомнил хорошо. И мягкость тела в некоторых особенно важных стратегических местах.

Правда, не очень понимаю, во что это все выльется.

Она педагог моей дочери. Я ее будущий работодатель.

И каким будет наше общение? Чисто деловым?

При чем тут тогда клубничные губы и аппетитные формы?

При том, Лёша, при том! Что ты все понимаешь! Никаким деловым общением с малышкой Ликой ты не ограничишься.

Ты ее в койку потащишь, причем постарайся сделать это быстро!

Да, внутренний голос порой хочется заставить молчать, пластырем ему рот заклеить, чтобы ни-ни.

Да, я хочу Лику-клубнику не только в качестве преподавателя музыки. Не только затем, чтобы она мне на пианино сыграла. Я бы с ней в другие игры поиграл бы с удовольствием.

А она? Готова ли она играть?

Она ведь вроде сказала, что целовалась в первый раз?

Усмехаюсь, глядя на мерцающие впереди огни поселка.

Обманула же? Да? Как она может быть нецелованная?

Или польстить хотела? Так вот, сильно, остро, по-взрослому не целовалась?

Чёрт... в любом случае – разве это важно?

Опытная она или не очень опытная, я ее хочу. Хочу так, что сводит все внутри. И звенят бубенчики...

И надо что-то с этим делать.

Твою ж... придурок ты конченный, Александровский!

Делать что-то надо с местом жительства крошки!

В этой халабуде с алкашами и утырками всякими ей оставаться нельзя.

Но куда ее переселять? Уверен ведь, если сниму ей квартиру – не переедет!

Она что-то там про ипотеку лепетала. Но вряд ли у нее есть бабки на то, чтобы нормальное жилье взять.

Блин, она ведь наверняка решила частные уроки давать, чтобы заработать на первый взнос. И потом, чтобы выплачивать.

Надо выяснить, что она хотела купить и где. И помочь. Заплатить ей сразу, авансом, в счёт будущих занятий.

Только вот согласится ли она на это?

Малышка упрямая.

Вспоминаю, как она на меня наорала, глазами сверкала! Такая красивая была, хотя я не из тех, кто привык говорить, что женщины в гневе хороши. Я вообще баб ругающихся терпеть не могу, но эта...

Блин, как я вообще мог уехать от неё? Оставил одну в этом гадюшнике. Вернуться?

Но меня Полинка дома ждет...

Ладно, сегодня буду выключать героя. Не получилось куколку забрать, буду думать, что делать.

Полина ждет меня уже в кроватке, грустная.

– Пап, а Лика пр-равда будет к нам приходить?

– Да, милая, будет.

– А часто?

– Ну... не знаю, а ты как хочешь? – улыбаюсь, перебирая ее золотистые локоны.

– Честно? – ее губы чуть трогает улыбка.

– Конечно честно, а как еще?

Моя дочурка протягивает ручонки, чтобы обнять, притянуть к себе.

– Пап, а можно чтобы она вообще не уходила?

Эх, моя сладкая, словно мысли мои читает! Я тоже бы хотел, чтобы не уходила. Если бы было можно...

– Пусть она с нами живет, а? Я все вр-ремя одна. Нина со мной не успевает. Мне скучно. У нас у всех деток в саду есть няни. А можно мне тоже няню, а? Можно Лика будет моей няней?

Бинго! Моя крошка подает отличную идею!

Если я реально предложу Лике-клубнике стать няней моей дочери? Не все время. Пусть работает в своем саду, а потом по вечерам пусть занимается с Полиной? Няни же так и работают? Ну, Нинель, моя домработница, будет ей помогать, естественно.

Мысль отличная. Она мне очень нравится.

Но только к бабке-гадалке не ходи – Лика откажет. Поймет, что у меня в этом есть свой жирный умысел.

А он есть.

Причем... я сам еще не очень соображаю, куда это может меня вывезти.

То, что я сразу понял про Ангелику Витальевну – это не одноразовая девочка. Эту девочку нельзя взять, попользовать и выпилить из жизни, переведя на ее счет круглую сумму.

С неё все будет серьезно и по-взрослому. Если будет.

А вот потяну ли я это по-взрослому – вопрос. И потянет ли она.

Но мой зуд успокоить будет непросто. Скорее всего, я и не успокоюсь, пока не попробую.

Значит... значит, надо действовать. И методы мои будут не самые чистые.

– Полюшка, если ты так хочешь, чтобы Лика была твоей няней, может, ты сама ее об этом попросишь? Тебе она не откажет?

По крайней мере, я очень на это надеюсь.

– Я попр-робую, папуль! Почитаешь?

По плану у нас снова «Золушка». Открываю книгу, начинаю читать самый любимый момент – как бедная девушка попадает на бал. Долго читать не приходится – Полька довольно быстро начинает сопеть курносый носиком.

Любуюсь ею. И сердце сжимается.

В такие моменты меня просто корежит – вспоминаю бывшую, мать Полины. Как можно было бросить дочь? Променять вот это чудо на какой-то мифический успех, на карьеру, работу?

Да, она у нас теперь звезда, популярный блогер, ведущая шоу, даже петь уже пробовала – господи, спаси и сохрани от таких певиц ртом! Деньги зарабатывает приличные. Хотя до моего капитала ей далеко, но апартаменты в Москва-Сити снимать может. Купить – пока нет.

Причем снимает у меня. Если бы она знала, что я владелец, думаю, удавилась бы.

Встаю, иду в кабинет. Мне еще нужно просмотреть пару документов, открываю ноут и вспоминаю, что так и не спросил, какое пианино купить.

Почему-то меня в дрожь бросает, когда я думаю о том, где сейчас Лика. И что она делает. Возможно, лежит на своем узком диванчике в халатике или ночной рубашке. Скромной, девичьей, явно не шелковой и без кружева. Чёрт, я бы на это посмотрел!

Пишу сообщение, не очень надеясь получить ответ.

Но он приходит.

«Извините, я забыла вам написать, сейчас пришлю ссылку».

Улыбаюсь. Через минуту ссылка у меня. Но удержаться не могу.

«Вы уже спите, Лика? У вас все тихо?»

«Да, все в порядке, я ложусь».

Звучит очень интимно. Сглатываю, снова вспоминая, как прижимал ее к стенке. Если бы она не спросила о моей дочери, я бы не остановился и...

Ох, чёрт... зачем я вообще остановился? Сейчас бы нам было так хорошо! Она ведь не сильно сопротивлялась? Или... мне показалось?

Нет, сопротивлялась, конечно.

Я идиот. Ей было страшно. Это я почувствовал. Страшно и дико.

Но я бы мог взять ее лаской, успокоить, занежить, зацеловать...

С другой стороны, быстрая победа не так привлекательна.

А вот завоевание...

Ну что, Лика-клубника? Будем тебя завоевывать?

Усмехаюсь и все-таки решаюсь написать.

«Спокойной ночи, Лика-клубника, вы оказались очень вкусной».

Тишина. Ответа нет. Да я и не ждал особенно.

И все-таки...

«Спокойной ночи, Алексей Николаевич».

Улыбаюсь, откидываясь в кресле. Ну что, неделя? Две? Три? Месяц?

Лика-клубника будет моей!

А что будет дальше – увидим...

– Вот так, молодец, а теперь давай разомнем пальчики, повторяй за мной.

Стою, прислонившись к дверному косяку, и стараюсь не дышать.

Моя Полинка только что сыграла гамму!

Гамму!

Реально. По-настоящему. И она так рада, счастлива, что у меня что-то свербит в груди. Приходится морщить нос, чтобы... чтобы, блин, не показать свою слабость. Глаза на мокром месте.

А я ведь мужик. Взрослый, циничный, эгоистичный.

Реально эгоистичный, потому что малышку, которая сейчас занимается с моей дочкой, я хочу не только для дочки.

И улыбку ее нежную хочу видеть сам. Чтобы улыбалась мне. Вот так вот трогательно и ласково.

– Умница, Полина!

– Спасибо! Еще будем игр-рать?

– Нет, малыш, на сегодня занятие окончено.

– Эх... Значит, ты уже уеж-жаешь?

– Мне пора, солнышко, уже поздно.

– И даже ужинать с нами не будешь?

Ли́ка-клубника качает головой. Ну уж нет! Так просто уйти я ей не дам.

– Будет, конечно будет! Добрый вечер, Ангелика Витальевна.

Моя желанная пианистка очаровательно краснеет, встает со стула, складывает руки за спиной, как будто это не она учитель, а я. А она стоит у доски, готовясь отвечать урок.

Я бы принял у неё экзамен. Сглатываю, еще одной дикой фантазией больше.

– Добрый вечер, Алексей Николаевич.

– Как успехи? Инструмент вам понравился?

Я в итоге купил не такой, какой она рекомендовала. Выбрал модель поновее и подороже. Смотрю, как Ли́ка-клубника сжимает губы, щеки алеют.

Обалдеть, какая же она хорошенькая. Нет, не хорошенькая. Красивая.

Очень красивая, женственная, милая девочка, на которой меня конкретно так клинит.

Но надо пока стараться скрывать свою заинтересованность.

Незачем ее пугать. И... незачем сразу показывать интерес. Все постепенно.

Это дело суеты не терпит. Я же не собираюсь иметь с ней быструю, ни к чему не обязывающую связь? Я же хочу, чтобы у нас получилось что-то посерьезнее?

Да уж... Кажется, я готов влипнуть во что-то очень серьезное.

Неужели снова созрел, Александровский?

– Инструмент очень хороший, спасибо. Но... можно было купить и проще. Не стоило так тратить.

– Стоило, Ангелика Витальевна. Для своей дочери я готов на многое, думаю, вы это уже поняли?

– Да, конечно. Вы меня извините, но я не могу принять приглашение поужинать. Уже поздно, а завтра у меня несколько уроков, к которым надо подготовиться.

– Ли́ка... ну поэ-зя... ну р-ради меня! – Полинка делает жалобные глазки, стоит, вцепившись в руку Ли́ки.

Я молчу. Понимаю, что у девушки реально могут быть дела, но в мои планы не входит ее отпустить вот так.

– Ангелика Витальевна, это просто ужин, самый обычный, не сильно надолго, потому что у меня еще дела, да и Полине тоже нужно будет спать. Всего полчаса, потом я вас отвезу.

– Я могу добраться сама... – бросает на меня взгляд и тут же опускает ресницы.

Красивая, не отпущу, даже не надейся!

– Мы, кажется, обсуждали этот вопрос, Ли́ка? Я обещал, что привозить и отвозить вас будет водитель?

– Водитель, но не... – боится произнести «вы», вижу, как дергается горлышко, во рту у нее пересохло, да? Интересно, почему?

– Так получилось, что сегодня водителем буду я, – улыбаюсь, стараясь показаться очаровательным, но понимаю, что не могу скрыть истинных чувств.

Да, я хочу снова остаться с ней наедине в машине. Да, хочу снова видеть ее румяные щечки, дышать ее ароматом.

Нет, ничего предосудительного не сделаю, не коснусь – только руку подам, помогая сесть в авто.

Просто хочу побыть рядом.

Да уж. Как конкретно меня переклинило! Повело!

Просто атас-ракета.

– Ли́ка, Ли́ка, ну поэ-зя, соглашайся! У нас очень вкусный уж-жин!

– Я так понимаю, выбора у меня нет? – смотрит на Полину, потом на меня, скрывает улыбку, но улыбается же!

Значит... может быть, не совсем ей претит то, что придется провести время в моем обществе?

Или это просто из-за Полинки, ее обижать не хочет?

За ужином малышка, конечно, отказывается от вина, я тоже, естественно, не пью – мне еще за руль садиться. Ест она аккуратно, очень красиво, не тушуясь. Вообще меня радует то, что она не боится есть, не рассказывает о диетах, не отказывается от положенной на тарелку еды, не просит уменьшить порцию до размера наперстка.

Нормально ест. Как нормальная девушка, а не гламурная инстадива.

На таких я насмотрелся. Хватило одной. Кукушки.

Вижу, что моя помощница по дому Нинель явно симпатизирует Лике – и меня это радует.

Нинель работает у меня уже давно. И так же давно я не считаю её чужим мне человеком. Она фактически вырастила Полюшку. Да, конечно, у нас были няни, мама моя много помогала, особенно после того, как моя супруга решила нас бросить.

– Вам еще салатiku? Кушайте, а то после работы, голодная, и сразу опять работать, – хлопочет Нинель.

– Спасибо большое, но я уже больше не могу, – Лика улыбается, глядя на неё. – Наелась. Все очень вкусно у вас.

– И вам спасибо, мне приятно!

– Спасибо, Нин, Полинка вам поможет со стола убрать, а мне нужно нашу гостью отвезти.

– Да? Сами поедете? А то Степан-то еще не ушел, он мог бы отвезти? Ой... – Она смешно пугается, закрывая рот ладонью. – Что это я, Степан-то уехал, я же его в магазин отправила. Извините...

Вижу, как Лика усмехается, голову опустив.

Поняла все. Ну что ж... это мне даже на руку. Пусть оценит информацию, что я ее водителем по своей воле становлюсь.

На этот раз юбка у нее не такая узкая, и ножку она поднимает легко. Я подаю ей руку, и мы сталкиваемся взглядами, вспоминая тот вечер и то, как я бесцеремонно хватал ее за ноги.

– Я все-таки могу надеяться, Ангелика Витальевна, что вы простите мое поведение? – говорю и сам не понимаю, что это я говорю. Вежливость восьмидесятого «левела».

– Давайте просто забудем о том инциденте, и все.

Забудем! Легко ей сказать! Такое забудешь...

– Забудем? – не могу удержаться от вопроса, смотрю на неё прямо. Она тоже смотрит прямо, но при этом закусывает губу и страшно краснеет.

– Пожалуйста.

– Лика, я... хотел бы забыть. Но не могу.

Опускает голову, отворачивается.

Выезжаю на дорогу, поселок остается позади. Дико хочется остановиться на обочине, повернуться к ней и...

Она молчит. И я молчу. Едем. Торможу у барака, на том же месте.

– Спасибо, Алексей Николаевич и... до свидания.

Собирается открыть дверь и выскочить, но внезапно пугается, отворачивается ко мне, опуская голову низко, стараясь, чтобы ее не заметили с улицы.

– В чем дело, Лика? Кто там?

– Никто...

Глава 8

Оглядываю улицу, вижу компанию молодых людей. Простые парни, местные.

Это она их, что ли, испугалась?

– Лика, вы их знаете?

– Нет, – краснеет, вздыхает, – знаю. Это... в общем... местная компания. С кем-то я в школе училась, кто-то живет рядом. Я... просто не хочу, чтобы видели, что вы меня возите.

– Почему? – спрашиваю, хотя причина понятна.

Она поднимает на меня взгляд, смотрит спокойно.

– Потому что. Пойдут разговоры. У нас крохотный поселок, все друг друга знают. Поэтому я и не хотела, чтобы вы меня возили. Это... неприлично.

– Неприлично? – опять задаю вопрос, хотя опять же прекрасно понимаю, о чем она.

– Алексей Николаевич, пожалуйста... Не нужно.

– Что?

– Не нужно считать меня совсем простой и глупой. Вы живете в своем мире. А я живу в этом. И у нас девушку, которую подвозит домой на шикарной машине холостой мужчина, могут посчитать... В общем, я просто не хочу, чтобы они меня видели. И не хочу, чтобы вы меня возили. Вот и всё.

– Ангелика Витальевна, мы уже обсуждали этот вопрос. Если я не буду вас возить, как вы будете добираться?

– У вас же есть водитель?

– То есть водитель вас возить может, а я нет? – почему-то начинаю слегка звереть.

Она это, кажется, понимает. Молчит некоторое время, украдкой поглядывая на улицу. Там вроде бы пусто. Никого.

– Простите, Алексей Николаевич, я пойду? Мне правда нужно готовиться. Завтра занятия. Уже поздно.

– Провожать вас, естественно, не надо?

– Нет.

– А если снова будет буянить этот ваш... родственник.

– Он сегодня на смене, не будет.

Он еще и работать умудряется где-то? Весело.

– А вообще, часто у вас такой цирк?

Вздыхает, не отвечает, давая понять, что это не моё дело. Ладно, не моё так не моё.

– До свидания, Алексей Николаевич.

– До свидания, Лика. Выходить из машины и дверь вам открывать не нужно, я правильно понимаю? – не могу скрыть иронию, бесит меня вся эта ситуация дико.

– Правильно. Спасибо. Я дала Полине задание, она завтра должна сама повторить. А послезавтра я снова к вам приду.

– Я буду ждать, – не знаю, зачем я это сказал. Само вырвалось.

Мне нужно все-таки озвучить ей мое предложение насчет работы няней у Полины. Но почему-то я не могу. Боюсь, что она категорически откажет и не передумает.

Ладно. На сегодня я её отпускаю, а потом... как там говорят, «будем посмотреть»?

Лика выходит, аккуратно закрывает дверь машины – у меня доводчики стоят, оно само закроется, но она-то об этом не знает.

Идет к дому быстрым шагом, не глядя по сторонам. И зря не глядя. Потому что не успевает пройти и десяти шагов, как из-за припаркованного фургончика выходит двое парней, явно из той самой шумной дворовой компании, и преграждают Лике дорогу.

Я не слышу, что они говорят. Но вижу прекрасно, как она делает шаг в сторону, пытаюсь их обойти, но ей не дают этого сделать. Мало того, я вижу, как один из этих уродов кладет ей руку на плечо.

Твою ж...

Не думая, выскакиваю из тачки, хлопаю дверью – плевать на доводчики.

Иду к ним и слышу:

– Значит так, да, Клубничка, теперь с богатенькими таскаешься? А строила из себя недо-трогу. Что, легла уже под него?

– Кирилл, дай пройти.

– Стой, сказал! – и снова нагло хватает её!

– Руки убрал от девушки! – голос мой звучит грозно, я понимаю, что этих двое, но в компании было человек семь. Один против семи хреново. Но я, если что, успею нажать экстренный вызов для своих безопасников – есть у меня такая прошивка на телефоне. Минут пятнадцать надо будет продержаться.

– О... какие люди...

Вижу перепуганный взгляд Лики, она хлопает ресницами, открывает ротик, чтобы что-то сказать, но не успевает, потому что я двигаюсь вперед и встаю перед ней, пряча ее за свою спину.

– Проблемы какие-то? – спрашиваю спокойно.

– У нас нет проблем.

– Тогда почему не даете девушке пройти?

– Потому что это моя девушка. И я хочу с ней поговорить, ясно, дядя?

– Твоя? Серьезно? Мне кажется, она с этим не согласна.

– Мы с ней сами разберемся, ладно?

– Нет, не ладно. Ангелика Витальевна, пойдете, я вас провожу до квартиры.

Поворачиваюсь, беру ее за руку, уверенно веду за собой. Парни явно не ожидали от меня такой прыти, расступаются. Этот Кирилл еще что-то пытается вякнуть вслед, но я не оборачиваюсь, иду быстро, так, что малышке приходится семенить за мной, чуть ли не спотыкаясь.

Останавливаюсь перед подъездом. Там нет никакого домофона, открыть может любой.

– Спасибо вам, извините...

Смотрю на неё, распахиваю дверь.

– Заходите.

– Спасибо, я дальше сама.

– Угу.

Киваю и прохожу за ней.

Поднимаемся на второй этаж. Она открывает общую дверь, поворачивается ко мне.

– Алексей Николаевич, спасибо вам, но дальше я сама.

– Даже на чай не пригласите? – ухмыляюсь, а внутри злость растет.

Как она может вот так спокойно говорить? Её там сейчас могли...

– Алексей Николаевич... пожалуйста...

– Что?

– Не надо.

Оттормаживаюсь. Стараюсь сдержать эмоции.

– Не надо что, Лика? Вы понимаете, что сейчас могло произойти?

– Ничего бы не произошло. Он бы просто позадирал меня, и все.

– Что бы он делал?

– Ну... он... иногда цепляется. Но редко. А тут увидел машину шикарную, дорогую, ну и... Я поэтому не хотела, чтобы вы меня возили.

– А водитель может? Он тоже на этой же тачке ездит. Я не вижу логики, Лика!

– Водителя вашего тут знают. Он местный. Знают, что он просто водитель.

– И что?

– Ох... ну как вам объяснить... – вздыхает, чуть глаза закатывая, – он может меня возить, если я у вас работаю. Он же возит вашу... помощницу по дому, да? Вот.

– Я её тоже вожу. Иногда.

– Она вас намного старше. Это другое.

Ага! Это другое! Прекрасная фраза, которая многое объясняет всегда! Бесит.

– Лика, открывайте дверь, я зайду, и мы с вами обсудим одну важную вещь.

– Давайте ее обсудим послезавтра после занятия, хорошо?

– Нет. Сейчас.

– Пожалуйста... я вас очень прошу... – Чёрт, у неё же слезы в глазах? Там на улице с отморозками она не плакала, а тут...

– Лика, что с вами?

– Ничего. Просто я хочу домой. Я устала. Я не хочу сейчас ничего обсуждать. Тем более заводить вас в комнату при всех соседях. – Смотрит умоляюще, – У меня их десять человек, и все разные. Завтра... завтра и так весь поселок будет говорить о том, что вы меня на машине катали, а если еще добавят, что я вас в комнате принимала И так уже...

– Уже что?

– Говорят...

– Ясно. Я вот тоже хотел поговорить. О том, что тебе тут оставаться нельзя. Так что заходи и собирай вещи. Отказов я не принимаю.

– Нет. Я никуда не поеду.

– Лика, ты не поняла, я предлагаю тебе работу. Полине нужна няня. Платить я буду хорошо. Очень хорошо. Через пару лет сможешь купить квартиру там, где хотела, в новостройке.

Смотрит на меня испуганно, головой качает.

– Нет, я... я не могу.

– Почему?

– Я... у меня есть работа, я не могу!

– И снова ты не поняла, я не прошу тебя бросать работу в саду. Просто после неё ты будешь вместе с Полиной возвращаться домой к нам, помогать тебе будет Нинель. Ну и... жить, соответственно, ты тоже будешь в моем... в нашем доме.

Смотрю на неё, стараясь быть сдержанным, но так, чтобы и не напугать, и не показать того, как дико я хочу, чтобы она согласилась.

А Лика опускает голову, молчит, потом поднимает на меня глаза.

– Я не могу.

– Да почему, чёрт возьми? – не выдерживаю, хватаю ее за плечи, чуть встряхиваю и прижимаю к стене. И тут же отпускаю, поняв, что в очередной раз облажался. – Прости... прости... те.

От прикосновений к ней словно током прошибает. Понимаю же, что трогать нельзя, а туда же... Ручки загребушие.

Слышу ее дыхание прерывистое, она опять на меня не смотрит. Сглатывает и произносит шёпотом.

– Я вас боюсь.

– Что? – смотрю, не понимая, в шутку она или всерьез?

– Боюсь вас. Вот этого боюсь, – кивает на мои руки, которые только что сжимали ее плечи. – Боюсь, что вы... ох...

Неожиданно закрывает лицо руками, не плачет, а прячется как ребенок.

– Ли́ка, вы меня боитесь? – Снова перехожу на «вы», почему-то эта информация бьет по мозгам довольно больно.

Кивает.

– Простите, я... Ну... после того... после той истории, когда вы...

Чёрт, ей даже произнести это стыдно! Она боится, что я опять буду пытаться её...

И правильно, блин, боится! Потому что я именно буду! Вернее, собираюсь...

Чёрт, нет, не так... я хочу! Очень сильно хочу! Но буду стараться все-таки держать себя в руках, хотя бы... хотя бы какое-то время.

– Ли́ка, Ангелика Витальевна, а если я... если я дам вам слово, что буду... – блин, как сказать-то это? – Буду относиться к вам как к... педагогу? И как к сотруднику? Серьезно, без всяких... глупостей?

– А вы будете? – она спрашивает, а сама не смотрит на меня. Реально боится.

Буду ли я? Какой хреновый вопрос. Хотел бы я знать, как у меня это получится!

Но ответить ей хоть что-то я должен. И вообще...

Я ведь реально ее приглашаю на работу как няню и педагога для любимой дочери? Так что...

– Ли́ка, я вас приглашаю в дом, где живет моя дочь. Как вы думаете, буду ли я там вести себя неподобающим образом, зная, что за стенкой мой ребенок играет или спит?

Стараюсь говорить спокойно, а самого колотит. Мне главное сейчас добиться ее согласия, увезти ее из этого жуткого места, а потом...

Потом я что-нибудь придумаю.

– Я могу подумать над вашим предложением, Алексей Николаевич?

Ей еще нужно думать? Понимаю, что любая другая зубами бы вцепилась и в предложение, и в меня!

Да-да, и в меня! Потому что я богатый и холостой. И довольно симпатичный. Характер непростой, конечно, но при желании со мной вполне можно договориться обо всем!

– Думайте. Только недолго. Я реально просто боюсь вас тут оставлять. Уезжаю и... потом не могу уснуть, представляя, что вы тут, в этом месте... Простите.

– Не надо ничего представлять. И извиняться. Это нормальное место. Я тут давно живу. Раньше как-то справлялась. Почти... – последнее слово она проглатывает, поняв, что ляпнула не то.

– Почти? – я услышал! – Значит, все-таки были какие-то проблемы?

– Это неважно. Уже все нормально. – Наконец поднимает взгляд. – Я подумаю. Дам ответ послезавтра, когда приду на занятия.

– Хорошо.

Соглашаюсь, а сам про себя решаю – хрена с два! Я завтра приеду за ответом!

– Спокойной ночи, Ли́ка.

– До свидания, Алексей Николаевич.

С опаской открывает дверь, видимо, боясь, что я таки проскочу. А я в последний момент осторожно беру ее за руку.

– Что?..

Малышка округляет глаза, потому что я наклоняюсь и прикасаюсь к ее ладони губами. Понимаю, что, возможно, зря, что она может решить, что я подкатываю, и передумать, отказать, но...

Ли́ка краснеет, осторожно отдергивает ладошку и молча скрывается за дверью.

Почему мне кажется, что это хороший знак?

Глава9

Утро совсем не доброе.

Выхожу в ванную, в коридоре наталкиваюсь на соседку, Ирину Григорьевну, ту, с которой совсем не люблю встречаться.

Это она в тот вечер, когда Алексей Николаевич отчима утихомирил, ко мне стучала.

Ругалась, что шум опять, потом, что мужиков вожу... Хорошо, ее другие соседи тогда быстро успокоили.

Ирина, по обыкновению, не здоровается.

– Что, папика богатенького нашла-таки в своем «царском селе»?

– Доброе утро.

– С чего ему быть добрым-то? – Тут я с ней согласна. – Ну, и как они живут там, богатеи?

– Извините, я спешу.

– Спешит она, ишь... какая... морду воротит...

Она еще что-то бормочет, но я не слушаю, занимаюсь своими делами, сначала умываюсь, потом иду заваривать кофе.

На кухне завтрак готовит Тамара Васильевна, улыбается приветливо – у нас с ней хорошие отношения. Собственно, отношения со всеми нормальные, кроме вот этой Ирины. Тамара спрашивает, как дела в саду, она знакома с Элеонорой Григорьевной, потом откладывает мне на блюде пару сырников.

– Бери-бери, а то совсем отощaeшь, завтракать надо!

– Я в саду позавтракаю, меня там кормят.

– Когда ты там позавтракаешь? Будешь до обеда голодная сидеть, если не до вечера. Ешь.

– Спасибо.

– Смотри... – наклоняется ниже, говорит шепотом, – я слышала, Кирилл вчера ругался из-за того, что ты с этим на машине приехала. Ты уж осторожнее будь с ним.

– С кем? – смотрю, не понимаю, о ком из двух она говорит, о Кирилле или об Алексее Николаевиче? Не знаю, кто еще опаснее...

– Кирилл, если что в голову втемяшит, то...

– То что?

– Сама знаешь, что. Глаз он давно положил на тебя. Значит... Пока не добьется своего, не отстанет.

– Не добьется чего? – замираю в панике. Понимаю, о чем говорит тетя Тамара, но...

– Ой, девочка, тебе бы уехать отсюда скорее. Зря ты вообще вернулась. Что там с квартирой, не ясно пока?

Я говорила ей о том, что хочу переехать, постараться взять кредит, ипотеку, но пока это все только в планах.

Вспоминаю слова Алексея Николаевича. Он реально предлагает мне работать няней и жить в его доме? Или... я что-то не так поняла?

Если это просто благотворительная акция, то я не готова. И жалеть себя не позволю. Жила как-то раньше и теперь выживу.

Но если он и правда готов дать мне шанс, хорошо платить...

Жить в его доме, конечно, не очень удобно. Вернее, удобно еще как, но... находиться постоянно с ним рядом...

Он пугает меня.

Дико пугает.

Потому что...

Возвращаюсь в комнату, ставлю на стол чашку кофе, тарелочку с сырниками, йогурт. Сажусь. Бессильно опускаю голову на руки.

Я не знаю, что мне делать! Увязла, как пчелка в варенье...

Алексей Николаевич не просто пугает меня.

Я сама себе боюсь признаться в этом, но он мне нравится. Очень сильно нравится. До дрожи в коленках. Рядом с ним, мне кажется, я впадаю в какой-то ступор. Становлюсь совсем беспомощной. И чувствую себя глупой и маленькой девочкой.

Нравится... ох, сама-то себе не ври, Лика! Ты ведь в него влюблена...

Щеки мгновенно начинают гореть, когда о нем думаю.

Влюблена... Разве так бывает?

Получается, бывает.

Мне кажется, это всё произошло сразу. С того момента, как я его впервые увидела. Я ведь вернулась сюда не так давно. С начала осени.

Как окончила музыкальное училище, так и вернулась. Устроилась на работу в детский сад. И, наверное, в первую же неделю работы увидела ЕГО.

Он забирал свою Полинку, сам. Приехал, вышел из машины такой спокойный, уверенный, как... как Джеймс Бонд. Не знаю, почему я так подумала тогда, ведь не похож совсем, но ассоциации такие ассоциации...

Я стояла у крыльца с Элеонорой Григорьевной, он нас не видел. Заведующая тогда очень точно «считала» мой интерес.

– Это папа твоей любимицы Полины, Алексей Николаевич Александровский. Он один из совладельцев и учредителей нашего садика.

Он как раз присел, раскинул руки и улыбнулся, а я с замиранием сердца наблюдала, как Полина летит к нему в объятия.

А следующее заявление заведующей совсем вогнало меня в краску.

– Одинокый мужчина, холостой, завидный жених.

Я попыталась сделать вид, что мне это неинтересно, но Элеонору не так просто было сбить с толку.

– Только, говорят, бабник, каких мало. Любитель женщин, в общем.

– Я... мне это неинтересно, я...

– Так я потому и говорю! Чтобы ты такими и не интересовалась. Поматросит и бросит. Хотя...

– Элеонора Григорьевна, вы говорили, что новые инструменты должны привезти. А когда?

– Лика, Лика, всё о работе думаешь. А ты же молоденькая совсем, тебе еще и о себе подумать надо. Развлекаться, с людьми интересными знакомиться. В своем сарае ты с кем можешь общаться? Там одни...

– Я ни с кем не общаюсь. У меня времени нет. Я работаю.

Повернулась, чтобы увидеть, как летят брызги из-под колес... Джеймс Бонд, вернее, Алексей Николаевич уехал...

Потом несколько раз встречала его на пробежке. Он меня не замечал, я как-то все время старалась быть незаметной. Да и... с другой стороны, зачем такому мужчине замечать такую, как я?

Нет, я не считаю себя некрасивой или недостойной. Наоборот. Я знаю, что я красивая. Только пока мне это одни неприятности приносит.

Как говорил мне один из моих преподавателей, старавшийся опекать меня, провинциальную глупышку – «рядом с каждой красивой женщиной должен быть сильный мужчина, чтобы охранять красоту».

Увы, мою красоту охранять было некому.

Я сама старалась охранять, как могла. Не слишком хорошо, но уж как есть.

Господи, о чём я только думала, когда решилась пойти в его дом и предложить себя в качестве репетитора Полины?

Если бы я только знала, чем обернется тот мой визит!

Пытаюсь пить остывший кофе. Хорошо, что встала я рано и на работу не опаздываю.

Мне сегодня не нужно к началу занятий, первый урок у самых маленьких, у трехлеток в десять утра.

Мне нужно быть в саду в девять тридцать, все подготовить.

Работаю я каждый день, веду занятия, выполняю какую-то методическую работу – отчеты заполняю, небольшие исследования провожу, еще и индивидуально с некоторыми детками успеваю заниматься, вот с такими, как Полинка.

Полина. Я ведь даже не думала сама напрашиваться в репетиторы? Это меня Элеонора Григорьевна надоумила!

Увидела, как мы с Полей занимаемся, как девочка ко мне тянется, да и на самом деле у неё есть способности, это видно сразу!

Заведующая и предложила мне сходить к Александровскому. Я согласилась.

Но я ведь просила Элеонору Григорьевну позвонить, предупредить его, она обещала, да, видимо, забыла. Или он так же принял её не за ту Элеонору?

Ох, ладно, что сделано, то сделано. Теперь надо думать, как быть дальше.

Я не могу пойти работать в его дом, точнее, жить в его доме.

Не могу. Так близко к нему!

Понимая, что он недоступен, недостижим...

Конечно же, я вижу и чувствую его интерес, неподдельный, сильный, жадный, но... кто знает, сколько это продлится?

Пока он не распробует? Не насытится? Пока ему не приестся моя наивность и... невинность?

Закрываю глаза. Хоть на мгновение оторваться от реальности!

Снова он и я в том доме. Его руки, его губы...

Ощущения, которых я никогда не испытывала, даже не догадывалась!

Теперь ведь я знаю, зачем он меня повез туда? Да я и тогда всё поняла. Не сразу, но поняла... Не важно.

Важно то, как он меня обнимал и целовал. И какие чувства это во мне вызывало! И если бы... если бы он оказался чуть настойчивее! Или я была бы не так пуглива...

Нет, Лика, нет. Не нужно об этом думать. Нельзя.

Это для тебя под запретом. Даже не пытайся.

Потом будет очень и очень больно. А боли в твоей жизни уже и так... выше крыши.

Открываю глаза. Оглядываю свою комнатку.

Нежно-бирюзовые обои, которые я поклеила сама, конечно, были моим капризом, по крайней мере, на угловую стену надо было лепить что-то темное, потому что черная плесень уже выступает.

Мебель частично старая, кое-что еще от бабушки с бабушкой, например, небольшой буфет. Он добротный и крепкий, хотя, конечно, совсем прошлый век, причем не антикварный, не изящный, а конкретно кондовый, такое обаяние эпохи восьмидесятых.

Шкаф купила на известном распродажном сайте, вполне достойный за те деньги, которые отдала. Диван там же, тоже удачно: и недорогой, и не убитый в хлам, чистенький.

Стол старый, покупали еще папа с мамой, обидно, что он оказался единственной мебелью от них оставшейся, даже стулья отчим в свое время умудрился продать...

Простые занавески. На стене фотографии мамы и отца. Фото маленькой меня, которое я очень люблю.

Александровский назвал мою комнатку убогой, что ж, он прав, да. Но... несмотря ни на что тут я не чувствую себя плохо. Тут есть воспоминания. Они хорошие.

Но есть и плохие. И они тоже связаны с этим домом.

Поэтому я мечтаю уехать, купить себе квартиру и жить там.

Или...

Иногда я мечтаю о нем, о прекрасном принце на огромном черном автомобиле, который придет ко мне, выйдет из машины, как Джеймс Бонд, и раскроет руки, чтобы я бежала к нему в объятия.

Эх... Лика, Лика...

Проглатываю совсем уже ледяной кофе. Быстро бегу на кухню, чтобы сполоснуть посуду. К счастью, там никого.

Возвращаюсь в комнату, одеваюсь.

Успеваю застегнуть молнию на юбке и одернуть блузку, когда слышу стук в дверь.

Открываю, почему-то уверенная, что за дверью стоит Тамара Васильевна, но, увы...

– С добрым, куколка...

Не успеваю скрыть испуг и... неприязнь. В общем-то, наверное, я зря так реагирую, но...

Кирилл симпатичный парень, всегда был симпатичный. И всегда к нему все девочки клеились. Почти все. Я – нет. Да я вообще была тут, мягко сказать, изгоем. Училась на пятерки, гордостью школы была, в «музыкалку» ходила. Местная «ботаничка», что с меня взять. Такие как Кирилл меня, к счастью, не замечали. То есть не пугали, не приставали, почти не обзывали и не «троллили». Это было чревато – меня учителя и директор как-то слишком оберегали, всем дали понять: Лику не трогать! Меня даже дразнили «клубничкой» – совсем не обидно. До определенного момента. Пока в старших классах слово «клубничка» не приобрело иной смысл.

Но мне и тогда, в общем, было все равно. Хватало проблем домашних. С мамой и с отчимом.

Была у нас одна история с Кириллом. Меня попросили помочь ему с русским языком. Подтянуть. Причем он учился на два класса старше меня.

Я слишком серьезно отнеслась к этому. Он подумал, что я с ним заигрываю. Нет, он мне нравился чисто внешне. Он действительно симпатичный. Есть в нем что-то такое... дерзкое, яркое. Но я даже помыслить не могла, что между нами может что-то быть! И не думала, и тем более не мечтала! У меня были совсем другие мечты.

А он тогда решил, что я хочу каких-то отношений. Во время одного из занятий полез целоваться. Это было неожиданно. Я опешила. Но почти сразу оттолкнула его. Дала пощечину. Как ни странно, он даже извинился. И на смех меня не поднял. И вообще... стал охранять и защищать.

Над ним прикалывались, говорили, что он влюбился. Честно, не знаю, что это было. Я в то время думала только об экзаменах, о поступлении. Он учился уже не в школе, в каком-то колледже, типа бывших ПТУ. Видела я его очень редко.

Потом... потом моя жизнь вообще чуть не пошла под откос.

Я уехала в училище, домой почти не приезжала. Даже на лето старалась остаться в городе, подрабатывала.

Когда я вернулась сюда осенью, Кирилла не было, вроде он после армии поехал в столицу работать. После Нового года объявился. И стал сначала пытаться пригласить на свидание, пообщаться. Я отказывалась. Потом начал немного задирать... И я старалась меньше попадаться ему на глаза. Он снова уехал куда-то на заработки. А неделю назад я его встретила...

Снова начал с предложений пройтись, выпить вина. Я попросила меня не беспокоить.

Мы всегда сталкивались на улице, и я не ожидала, что он придет ко мне в дом.

– Здравствуй... Кирилл.

– Здравствуй... хм... официально, детка.

Он делает шаг, чтобы зайти, я пытаюсь закрыть дверь перед его носом, чисто инстинктивно – я не приглашала! Но он ставит ногу и грудью напирает.

– Что ты делаешь?

– Захожу в гости, непонятно?

– Я не приглашала. Извини, я спешу на работу.

– К этому спешишь? К папику новому?

Чувствую, как лицо мгновенно покрывается румянцем. Я ведь не просто так просила Алексея Николаевича меня не подвозить!

– Он отец моей ученицы.

– Это теперь так называется? – Кирилл гадко ухмыляется и протягивает руку к моим волосам.

А меня обжигает страх.

В квартире сейчас, скорее всего, только Тамара Васильевна и Ирина. Если я начну кричать, они, конечно, выбегут. Но смогут ли помочь? А если Тамары нет? Она могла уйти... А Ирина... станет ли помогать?

– Кирилл, пожалуйста, я на самом деле опаздываю. Маршрутка уже через пятнадцать минут, до неё еще идти.

– Я могу отвезти, я на машине, – он подается вперед, почти касаясь меня телом, я отступаю.

Непроизвольно начинаю дрожать. Всё тело дрожит. Я знаю, что я с ним не справлюсь!

– Что, боишься меня, «клубничка»? Я не страшный. Совсем. Я... Могу быть очень нежным...

Его рука касается моей щеки. Мне надо отступить, а я словно парализована. Стою, не могу с места сдвинуться, ничего сделать не могу. Только чувствую, как по телу бегут струи ледяного пота.

– Лица... какая ты стала красивая, ты и была... такая маленькая, сладкая, такая...

Он еще ближе, почти вплотную встает. Я чувствую его запах. Он даже одеколоном побрызгался, но все равно удушливый, тяжелый аромат его тела и перегар перебивает. Мне нужно прийти в себя. Нужно оттолкнуть его, отойти, закричать.

Странно, я вспоминаю вечер, когда меня привез в дом другой мужчина. Тоже с явными намерениями. Как он целовал меня в машине, ногу мою трогал. Как в доме к стене прижал, как руки его хозяйничали на моем теле...

Да, тогда мне тоже было страшно, я плакала. Но вот такого ступора не было. Я вела себя по-другому. Не потому, что нападение Александровского мне понравилось. Нет. Возможно, дело было в том, что он сам мне нравился, мой Джеймс Бонд...

Воспоминания о нём словно придают мне сил. Я все-таки выхожу из оцепенения, толкаю Кирилла в грудь, неожиданно для него, потому что он отступает.

– Пусти и уходи отсюда!

Резко отступаю назад, в поиске хоть какого-то средства защиты. Как назло, ничего нет. На столе только кувшин с водой.

Пока раздумываю, использовать ли его, Кирилл опять наступает.

– Так, да? Уходи? Не для меня ягодка цвела?

Он резко хватает меня за руку, тянет на себя, прижимает крепко...

– Не надо, пожалуйста!

– А если я хочу?

– Кирилл... – Почему я не взяла кувшин? Могла бы его окатить, а теперь...

– Руки убрал от неё!

Глава 10

Голос как гром. Резкий, низкий, очень злой.

И я знаю, кому он принадлежит.

Джеймс Бонд. То есть... Алексей Николаевич.

Не успеваю испугаться, когда он резко отрывает от меня Кирилла, и тот летит куда-то в сторону. Вскрикиваю от неожиданности и замечаю пристальный, прищуренный взгляд.

– Все в порядке с тобой?

Мгновение он как будто изучает меня, мое состояние. Я хлопаю глазами, потом начинаю быстро-быстро кивать. Говорить почему-то не могу. Только вижу краем глаза фигуру Кирилла и его руку – он готов напасть!

Открывает рот, чтобы крикнуть, и мой крик накладывается на движение моего нового гостя, который стремительно разворачивается, хватая Кирилла и вытаскивает его в коридор. И я слышу звук удара и хруст.

Мне страшно. Очень. Это мне напоминает... напоминает то, что я хочу забыть.

Вылетаю в коридор, вижу пригвожденного к стене Кирилла и перекошенное лицо моего нового работодателя.

– Ты... сука, если ты...

– Не надо, пожалуйста. Отпустите его. Пусть уходит.

Бонд поворачивается, нет, сейчас он скорее похож на какого-то другого героя. Снова почему-то смотрит прищуриваясь.

– Жалеешь его? Или, может, я вам помешал?

Что? Он серьезно? Почему-то вот сейчас сильно обидно...

– Я просто против... насилия...

– Против? Мне кажется, он как раз собирался тебя там... Нет?

Вспыхиваю, как спичка резко.

– Он бы не стал. Он... просто отпустите его. Он уйдет.

Алексей Николаевич ухмыляется, но слушает. Опускает руку, осторожно ловит каждое движение Кирилла, чтобы тот не бросился на него или на меня. Кирилл смотрит исподлобья, недобрый взглядом.

Но ничего не делает.

– Извинись перед девушкой.

Алексей Николаевич говорит тоном, не терпящим возражений, Кирилл ухмыляется.

– Прости, «клубничка», не рассчитал...

– Свободен. – Будущий босс указывает на дверь, и Кирилл двигается в том направлении, у выхода поворачивается, усмехается, глядя на нас, но, ничего не говоря, скрывается в подъезде.

Мы с Александровским молчим.

Я не знаю, что сказать. Правда. Ситуация дикая и противная. Не нахожу ничего глупее, чем спросить:

– Что вы тут делаете?

– Что? – он опять смотрит на меня как-то по-особенному, пристально. Почему-то хочется поёжиться под этим взглядом. – Спасая вас, видимо. Или нет? Может, я не прав?

– Спасибо. Я... ой... я на работу опаздываю, маршрутка...

Я бегом возвращаюсь в комнату. Он идет за мной. Прикрывает дверь.

Я хватаю сумку, плащ, поворачиваюсь к выходу и чуть не сталкиваюсь с ним нос к носу.

– Какая работа? Вещи собирайте, переезжать будем. – Он снова говорит мне «вы» и... это как-то пугает.

– Я... Я не знаю, мне... на работу, правда. Там занятие. В младшей группе. – Теряюсь, так сложно с ним разговаривать!

– Когда? Время точно? – Голос звучит жестко, требовательно.

– В десять. Ровно в десять.

– А сейчас девять только. За час соберете часть вещей, до садика я вас подвезу.

– Я не успею, и мне надо быть в половину, подготовить всё, – я мнусь, мне неудобно отказываться и хотелось бы поехать с ним.

– Хорошо. До которого часа работаете? – опять прищуривается.

– Я... вообще до шести. Но... иногда задерживаюсь.

– Почему? Не успеваете? – теперь бровь приподнимает.

– Нет, просто...

Не могу же я ему сказать, что иногда мне просто не хочется возвращаться домой? В эту квартиру, в эту комнату... Несмотря на все хорошие воспоминания...

– Сегодня в шесть я за вами заеду, привезу вас сюда, будем собирать ваши вещи. Здесь вам оставаться нельзя. Ясно?

– Да.

– Что «да»?

– Мне ясно.

– То есть... вы согласны переехать к нам и работать у нас?

Согласны? Он разве спрашивал о моем согласии?

– Мне ясно, что оставаться тут я не могу. А вот куда мне ехать... Я могу снять квартиру. Как-то так получается, что он поворачивается и почти прижимает меня спиной к двери.

– Лика...

– Что?

Я тону в его глазах. Меня опять парализует. Но не так, как с Кириллом. Не страх. Другое...

– Лика...

Ох, Лика, Лика, клубника...

Положить бы тебя на колени да хорошенько вдарить по заднице! Чтобы... Чтобы не нарывалась больше! И глупостей не делала!

Какого вот она этого хрена в квартиру пустила? И в комнату?

Или... может, я что-то не так понял и у них тут свидание было? Тайное? А может, и не тайное...

Мне она не разрешила вчера в квартиру зайти, а этого, получается, пустила?

Ох, Лика, как же я зол! Хорошо, что ты даже не догадываешься о степени моей злости!

– Что, Алексей Николаевич?

– Почему ты не хочешь работать и жить у меня?

Стою, почти прижав ее к стене, напирая авторитетом, так сказать, давлую. Пока только авторитетом. Руками не трогаю.

– Почему? – глазки свои фиалковые распахивает, смотрит, подбородочек задрал. – Вот поэтому! Вы меня в угол загнали! Вы... обещали не трогать, и...

Поднимаю руки, словно по команде сдавайся.

– А я разве трогаю?

Краснеет снова, губу закусывает, носиком шмыгает.

Чёрт, мало ее тот кент напугал, я еще добавляю.

– Лика, я обещаю, что у нас с вами будут сугубо деловые отношения. По крайней мере, пока... пока вы... – ох ты, как же это сказать-то?

– Пока я – что?

– Ничего, неважно. Деловые. Точка. Тем более... – очень кстати вспоминаю о том, что мне предстоит важная деловая поездка, – тем более я через неделю улетаю в командировку, на конференцию. Меня не будет дней пять-шесть точно. Обживетесь, осмотритесь. Если... если потом поймете, что вам не подходит работа с проживанием – будем думать, куда вас... поселить.

Это я, конечно, так сказал, для виду. Никуда мне не хочется её селить. Вернее, хочется. Поселить в своей спальне. Надолго. По крайней мере, одноразовыми эти отношения точно не будут. Я за раз не успею попробовать всю клубничку так, как хочу.

Видю, что она задумалась. Головой качает.

Потом поднимает на меня взгляд. Ох, эти глаза...

У меня все внутри загорается от того, как она смотрит. Чёрт, может, ну его, разводить тут политесы? Строить из себя интеллигента?

Взять, прижать к стене, как тогда в доме, зацеловать до обморока. Показать, что я с ней хочу на самом деле делать? И зачем она мне нужна?

Нет, не только для этого, конечно. Просто... сначала – да, сначала хотелось бы насытиться ею, получить, присвоить, клеймить...

А потом можно и просто рядом быть, сидеть на диване, обнимая, пальцы переплетая, рассуждать обо всем на свете.

– Я...

– Что?

– Хорошо. Я поеду. Я... согласна.

Выдыхаю, головой качая.

– Да уж...

– Что? – теперь её очередь удивляться.

– Ничего, Ангелика Витальевна. Я, знаете ли, с очень важными людьми переговоры вел, с губернаторами, вице-президентами, чиновниками самых высших рангов, но у меня сейчас чувство, что все они по сравнению с тобой – детсадовцы. Ты меня реально умотала. Таких переговоров у меня еще не было.

– Всё вы шутите...

– Да нет, солнышко, мне не до шуток. Простите... Лика... Можно я хоть так вас буду называть? А то... по имени отчеству как-то...

– Язык сломашь, да? – смеется неожиданно. – Можно, меня и дети все называют просто Лика, я не против. Хотя Элеонора Григорьевна ругает... Только... я вас все-таки по имени-отчеству буду, хорошо?

– Договорились, Лика-клубника...

Делаю шаг назад. Она выскальзывает, как птичка, выпорхнув из-под моей руки.

– Ох, как я опаздываю...

– Не переживайте, я отвезу. И в шесть заеду.

– Спасибо.

Подходит к вешалке, я первый успеваю снять ее плащик, подаю ей. Опять краснеет очаровательно.

– Благодарю.

Так хочется прижать ее к себе. Но нельзя. Я уже понял, эту птичку главное не спугнуть сейчас, а там, дальше...

Дальше повоюем!

Глава 11

– Вот ваша комната, спальня, вот тут ванная, да, Алексей Николаевич еще сказал, что вам, возможно, кабинет потребуется...

– Нет-нет... не надо!

– Надо, Лика, вы же работаете? – Я думала, что хозяин дома остался внизу, но он, оказывается тоже поднялся, чтобы показать моё новое пристанище.

Правда, эту роскошную комнату называть так язык, конечно, не поворачивается.

Очень уютная спальня, большая кровать, мебель вся очень изысканная, всё в моих любимых нежно-бирюзовых тонах. Тут есть и шкаф большой, и тумбочки, и столик журнальный с креслом. И места так много! Моих, наверное, комнаты две точно сюда бы вошли.

Оглядываю свое новое пристанище, понимая, что щеки опять наливаются алым...

И сердце стучит как бешеное.

Неужели... неужели это все правда? Я на самом деле буду тут жить?

Жить рядом с... рядом с НИМ!

О господи... Лика! Нет!

Нельзя думать об этом. Нельзя-нельзя-нельзя!

Нужно стараться сохранять спокойствие и невозмутимость!

Но... разве можно, когда он вот тут, совсем рядом, и...

Этот его аромат... Вернее, аромат одеколона, конечно. Я не знаю, что в него входит, не разбираюсь в этих, как говорят, нотах – нота сандала, нота хвои, нота цитруса...

У меня другие ноты – до, ре, ми, фа, соль, ля, си...

Но что бы там ни было, какие бы ноты ни звучали в его аромате, у меня от них голова кружится, наверное, так же, как от Первого концерта Чайковского, который я не могу слушать без слез восторга!

Но в этом его аромате не только ноты эфирных масел. Главный ингредиент – он сам. Этот мужчина. Запах, который принадлежит только ему и никому больше...

Ох, Лика, Лика...

Ты никогда не сможешь быть с таким мужчиной, как... как Алексей.

Он не для тебя.

И это ранит до слез.

Но я должна держаться!

Мне просто... мне просто нужна эта работа, потому что я хочу изменить свою жизнь. Купить себе небольшую квартирку и жить там, закрыв навсегда дверь в прошлое...

– Ангелика Витальевна?

– А? Что? Ой... простите... – снова мучительно краснею, и ком в горле. Размечталась, глупая... – Простите, что вы сказали?

Эта его ухмылка такая...

Он словно все мысли мои читает! И... это пугает.

Не хочу, чтобы он знал о моем отношении! Он должен думать, что я...

Я неприступна как скала! И точка!

Да уж... и глупа как пробка...

– Я предложил оборудовать для вас отдельный кабинет, хотел, чтобы вы посмотрели пару помещений, выбрали, где будет удобно.

Еще помещение? Зачем?

С удивлением оглядываю комнату, смотрю на него.

– Я работать могу и тут. Здесь так много места!

Уголок его рта снова ползет вверх.

А я, наоборот, мучительно стараюсь сохранить серьезность.

Почему-то боюсь улыбнуться, вдруг неправильно поймет он или его... домоправительница.

Не знаю, как еще её назвать. Домработницей почему-то мне не нравится. Как-то... уни- зительно, что ли? Возможно, это просто мое воспитание.

Еще от прабабушки Ангелики, той самой, в честь которой меня назвали.

Домработница – для меня какой-то пережиток прошлого, хотя я прекрасно понимаю, что для многих это счастливое настоящее.

Наверное, справедливо назвать ее просто помощницей по дому, да?

Нинель мне кажется очень душевной, она как-то сразу ко мне хорошо отнеслась.

Стараюсь переключить свое внимание, но все равно вижу, как он сканирует меня взглядом.

– Нинель, надо в таком случае подобрать сюда стол, купить стул хороший. – О господи, только не это!

– Не нужно ничего покупать, я обойдусь! – протестую, но понимаю, что вряд ли меня услышат.

Мой Джеймс Бонд уже поднимает бровь – он так делает, выражая недоумение, когда кто-то идет против него. Не привык, что ему перечат, явно.

Да я вроде и не очень хочу перечить, особенно в нынешней моей ситуации. Мне надо стараться быть тише воды ниже травы.

Но управлять собой я тоже не дам. Не такая я.

Мягко, но сделаю по-своему!

Кажется, Алексей Николаевич это тоже уже понимает.

Нинель предлагает мне пока оставить вещи так и зовет всех к ужину, обещая помочь потом всё разложить.

– Я сама справлюсь, спасибо, – вещей у меня на самом деле совсем немного. Подумала, что, если что-то понадобится – всегда могу вернуться и забрать.

О том, что я уезжаю, сказала только Тамаре Васильевне. Отчим после смены не появлялся, опять, наверное, придет ночью, будет буяннить. Ирина видела, как я вещи выносила, поджала губы, что-то шептала вслед. Я не прислушивалась.

За ужином Полинку не уговорить – так радуется, что мы будем вместе! Алексей Николаевич предлагает отметить моё новоселье, но я отказываюсь, снова дико смущаясь.

– Ну, уж игристого-то можно выпить, детка, праздник же сегодня! В доме гости. – Нинель подносит хозяину дома красивую бутылку.

Мне неловко, не хочется, чтобы думали, что я тут...

Что у меня какая-то цель, что я имею виды на хозяина дома. Страшно боюсь, что кто-то может подумать именно так! Хотя пока «кто-то» – это только Нинель и, пожалуй, водитель, который видел, как мы приехали.

Да, мне очень нравится мой... мой новый хозяин, если можно так сказать... Нет, скорее, клиент, хотя это тоже звучит двусмысленно.

Отец ученицы – так будет верно.

Я понимаю, что ступила на опасный путь. Мне нужно как-то перебороть себя! Не думать о нем, не мечтать. Хотя бы не мечтать в его присутствии.

– Не гости, а новые жители, Нина, которые, я надеюсь, останутся тут надолго... – слушая его, почти перестаю дышать.

Он ничего такого не имеет в виду, Лика! Не обольщайся! Ты должна вести себя с ним как... как с отцом твоей ученицы, не более! Иначе...

Переступишь черту, а за ней... за ней ничего. Боль. Разочарование.

И мучительный стыд...

Алексей Николаевич улыбается мне и берет бутылку. Ему, похоже, все равно, что я сказала нет. И я понимаю, что в этом придется уступить.

Собственно, нет же ничего такого? Просто бокал шипучки за мое новоселье?

На счастье?

Может... может, и вправду меня тут ждет счастье?

– С новосельем, Лика-клубника...

Это какой-то гребанный ад.

Вот это все, что я себе устроил. Лика-клубника, блин...

Каждый день.

Нет, с одной стороны, это прекрасно, и я очень рад, что она сейчас тут, со мной, под моим присмотром, и что ей ничего не угрожает.

Ха! Ничего!

Ей я угрожаю! Угрожаю, потому что, не ровен час, возьму и сорвусь...

Просто в штопор, в глубокое пике.

Потому что это тихое «доброе утро» за завтраком. Улыбка робкая. Взгляд настороженный. И аромат ее. Тонкий, нежный, едва уловимый. Не духи, нет...

Просто ее, только её запах. Запах женщины.

Чёрт...

И этот... домашний вид...

Слава богу, не халатики! А то бы я совсем вздернулся!

По дому она ходит в костюмчике – брюки и что-то типа толстовки. Офигенно уютно все это на ней смотрится. Именно уютно.

Я обычно ем рано, но она тоже встает, потому что занимается Полиной – помогает ей по утрам одеваться и умываться, вместе с Нинель кормит ее завтраком. Потом едет с ней в детский сад.

Узнаю ее расписание, понимаю, что три дня в неделю она будет просто сидеть в саду по два часа до начала своих занятий.

– Лика, в среду и пятницу вы работаете с десяти?

– В саду? Да, но...

– Не «но», в эти дни я могу сам отвезить Пушинку, ну или Степан, когда я работаю.

– Я ведь тоже работаю? – вскидывает подбородок. – Это моя обязанность.

– Нет, вы же не водитель? В этим дни вы можете с утра отдохнуть.

– Алексей Николаевич, я...

– Ангелика Витальевна, вам говорили, что у вас тяжелый характер?

– Что? – вспыхивает мгновенно. Как мне это нравится! Как свечка, только спичку поднеси. Интересно, а... в других плоскостях она так же быстро загорается?

Чёрт, думаю об этом и впору самому краснеть. Не о том, Лёша, не о том. Рано пока. Спрячь свои хотелки подальше!

Вспыхнет, когда надо! Если...

– Извините, Алексей Николаевич, но вы меня взяли работать, а не...

– Вот именно. Работать. Не в рабство.

Хочется добавить – пока не в рабство, но я молчу.

– Это тоже моя работа.

– Теперь нет. В эти дни Полину может будить и собирать Нинель или Ася.

Ася, дочь моей помощницы, иногда помогает матери. Вообще она учится в соседнем с нашим коттеджном поселком городе и живет там же, но пару дней в неделю приезжает сюда и остается тут. Полина ее любит, я тоже хорошо к ней отношусь. Симпатичная девушка, но не в моем вкусе.

– Алексей Николаевич, – вижу, что Лике не нравится это мой предложение, – я вполне могу собрать Полину в сад и отвезти, потом вернуться и...

Чёрт, ну почему обязательно надо спорить? Не могу же я ей сказать, что каждое утро видеть ее за завтраком для меня перебор? Итак же весь... горю и киплю.

– Посмотрим. – Допиваю кофе, бросаю взгляд на свои часы, время до встречи еще есть. – Вы готовы? Я вас отвезу?

– Да, готовы. Но мы могли бы и сами...

До сада на самом деле идти по поселку всего минут десять. На машине минуты три.

Но это мои три минуты, которые я не хочу терять!

Три минуты, когда я, сидя на заднем сиденье вместе с ними, могу чувствовать ее дыхание, видеть ее глаза, ловить движения.

Невзначай коснуться руки, когда поправляю ветровку дочери, которая сидит между нами – специально переставил автокресло в середину.

Подать Лике руку, помогая сесть в машину и выйти из неё.

Ловить нежное – «спасибо» и румянец. И дрожащие ресницы.

Капец.

Я сам не понимаю, в кого превратился и как докатился до этого.

Я даже отменяю вечерние посиделки с друзьями в первую пятницу, которую Лика-клубника проводит в моем доме.

– Лексус, ты офигел? Что за?.. Это же наш день?

– Наш. Но я обещал Полине, что...

– Не ври, Пушинка тоже знает, что пятница – это святое! – Егору, конечно, больше всех надо!

Раньше он изводил мою сестрицу Варьку, достал! Я реально был уверен, что Егор в неё втрескался. Даром что дальний типа родственник. На самом деле реально дальний и не кровный. Жека – вот тот да, тот ближе.

Егор и сейчас готов Варвару изводить, вот только она уехала на стажировку в Европу, у него руки короткие. Я как-то спросил у него, прижав к стенке, «что за»? Это его любимое выражение. Он клятвенно уверял, что просто готовит Варюху к общению с мужским полом, типа чтобы не расслаблялась. Но трясло его здорово! А я сделал вид, что поверил.

Так вот, Варвару он, значит, троллил, а с Пушинкой у них – любовь-любовь! И именно он моей дочери внушил, что по пятницам у мужчин настоящие мужские дела, которым никто мешать не должен. Даже очаровательные доченьки. Умеет, подлец, с женским полом обращаться! Варя не в счет.

– Так что, Лексус? Или у тебя кто появился? Я случайно тут краем глаза видел... милую крошку на твоем участке.

– Развидь, Егоридзе, ясно?

– О... не нравится мне эта тенденция. Что за фея?

– Отвали. Я сказал, что в пятницу занят, значит, занят.

Хотя так хотелось сбросить напряжение! Клуб, потом, возможно, сауна. Приятная женская компания. Расслабление. Возможность выпустить пар, спустить... то, что давно надо спустить.

Но подумал об этом и... такого никогда не было. Понял, что просто реально не вывезу. При всем желании.

Не могу сейчас какую-то левую мадам пользоваться, когда в голове сидит эта...

Клубничная, блин... С фамилией ей, конечно, нереально повезло!

Ну и вечер пятницы Полина разбавляет откровением.

– Па, ты дома? А как же мужские дела?

– Дома, Пушинка, мужские дела отменились, – если бы я не знал, что не умею краснеть, но решил бы, что именно это со мной происходит, но, похоже, весь румянец взяла на себя моя прекрасная няня, которая, возможно, понятия не имеет о том, какие у мужчин дела, зато догадывается, что задвинул я их из-за неё.

Я надеюсь, что догадывается.

Очень хочется, чтобы она быстрее поняла. Я испытываю к ней интерес. Не как к няне. И... этот интерес не разовый, не быстрый. Это не каприз. Я...

Я заинтригован ею. Сильно.

Заканчивается первая неделя пребывания Лики в моем доме, и я могу констатировать одно – я попал.

И крепко.

Потому что все мысли о ней. Утром о том, что сейчас она придет в столовую вся собранная, свеженькая, пахнущая зубной пастой и чистотой. Вечером – о том, что она уставшая за день все равно старается выглядеть бодро, играет с Полинкой, отвечая на миллион вопросов моей Пушинки, и о том, что скоро она отведет дочь спать, а потом... Потом сама отправится в постель. К сожалению, не в мою.

А ночью... ночью приходится скрипеть зубами, понимая, что её комната на самом деле совсем рядом. Прислушиваться и мучительно желать зайти туда и...

И я, конечно же, захожу. Однажды...

Глава12

Воскресенье утром я обычно езжу вместе с Полинкой в фитнес-центр, который построили при отеле, расположенном недалеко от нашего посёлка.

Моя сладкая Пушинка любит плескаться в бассейне, я, собственно, тоже. Обычно занимаюсь дома, плаваю тоже. Но эти походы для нас уже традиция.

Проплываю третий километр, и всё время думаю о том, что хорошо бы было взять с собой Лику. И почему я не додумался?

Увидеть её в купальнике.

С одной стороны – охренеть как любопытно, с другой – и что мне потом с собой делать?

В домашний бассейн она так ни разу и не ходила – это я от Нинель узнал. Вообще помощница на Лику не нарадуется, даже уже делала мне тонкие намёки, чтобы я к девочке присмотрелся, девочка правильная...

Постарался объяснить Нинель, что про «правильность» я в курсе и намёки лучше бы прекратить, особенно в присутствии нашей новой няни.

После фитнеса идем в ресторан, снова жалею, что не решился пригласить Лику.

Приезжаем домой, и меня с порога «радуют» новостью. Оказывается, Лика вызвала такси и уехала около двух часов назад.

Куда? Ответ очевиден. Твою ж...

Она бессмертная, что ли?

Передаю Полину в руки помощницы, запрыгиваю в тачку, гоню как полоумный.

Дверь в квартиру можно не ломать – открыто. Подозреваю, что некоторые жильцы, которые уже с утра на рогах, не заморачиваются такими вещами как закрыть доступ в помещение посторонним.

Стучаться надо? Да как бы не так!

Распахиваю дверь в комнату Лики.

Она стоит у шкафа, перебирает вещи, что-то укладывает в коробку, тихо что-то напевает – на ней огромные смешные наушники, наверное, жутко неудобные, надо будет подарить ей беспроводные, делаю пометку в голове, постараюсь не забыть.

Поворачивается, ахает, увидев меня, снимает наушники, глаза как два блюдечка.

– Здравствуйте...

– Виделись. За завтраком. Забыла?

– Нет, я...

– Лика, у вас... простите, совсем нет мозгов? – сам не понимаю, откуда во мне эта ярость и почему я так резок и зол!

– Что? Вы... Почему вы так разговариваете со мной? – и сразу губки дрожат! Нет, ну ни хрена ж себе!

– Потому что я вас отсюда увез не затем, чтобы вы возвращались, ясно?

– Нет. Не ясно. – В позу встает явно, фигурально выражаясь, да и не фигурально – руки в бок! – Мне надо собрать вещи. Я говорила вам, что...

– Можно было меня попросить помочь?

– Алексей Николаевич...

– Я уже тридцать три года Алексей Николаевич. Или, может, у вас тут свидание было, с этим вашим... Как его назвать-то? Ромео, Отелло? Или... Гамлет, принц датский?

– Его зовут Кирилл, и он уехал.

Так, то есть она в курсе его передвижений? Хмурюсь, а клубничка словно на мои мысли отвечает.

– Я вчера позвонила соседке, Тамаре Васильевне. Она мне сказала, что Кирилл уехал в Москву, его тут нет, и отчим на смене, поэтому я и решила...

– Мне можно было сообщить?

– Зачем? Я... я же не в плену у вас, верно?

Да уж, верно, к сожалению...

Неожиданно вижу, что Лика прячет улыбку, и... всю мою злость как рукой снимает.

– Все уже собрали?

– Да, почти, осталось вот совсем немного.

– В машину что-то нужно отнести?

– Нет, спасибо, я сама...

– Сама! Запомните, Лика, женщина не таскает ничего, когда с ней рядом есть мужчина.

Уяснили? Вот. Показывайте, что нести?

По дороге, краснея, просит меня завезти ее в магазин – что-то забыла купить. Я совершенно бесцеремонно спрашиваю, что, только потом понимая, что у девочек могут быть личные, интимные секреты. По тому, как Лика еще больше покраснела, понимаю, что мысли мои в нужном направлении пошли.

Чёрт, а мне ведь хочется все её интимные секреты узнать! Очень.

Надо уже как-то действовать, что ли? Или... рано?

Надо дать ей еще немного времени, и оно у меня и у неё как раз будет.

Возвращаемся домой и до ужина не видимся. После ужина я сообщаю, что утром улетаю в ту самую командировку.

– Полина с вами и с Нинель. По всем вопросам можете к ней обращаться. Если нужно будет что-то купить для Полины – вот карта. Лимит не ограничен.

– Зачем? – пугается, кажется, впервые не краснеет, а бледнеет. – Не нужно.

– Лика, Полине могут понадобиться какие-то вещи. Сейчас резко потеплело, она из летних вещей, скорее всего, выросла. Можете поехать с ней в торговый центр, она покажет вам любимые магазины. А Степан отвезет. – Степана она, к счастью, больше не боится.

– Хорошо. Я поняла.

– Ну, тогда давайте прощаться, Лика-клубника?

– До... до свидания, – опускает голову смущенно.

– До свидания? И это всё? – иронично поднимаю брови. – Так скуп?

Поднимает голову, смотрит испуганно во все глаза...

– Счастливого пути?

– Ответ неверный, – ухмыляюсь, совершенно не понимая, что вообще делаю.

– Извините, я пойду? Счастливого вам завтра долететь, – уходит, гордо голову подняв.

А я стою и «лыбу даблю» как идиот...

Неделя прошла, а я никак не продвинулся в завоевании моей клубничной няни. И что-то мне подсказывает, что всё я делаю правильно. Тут ни в коем случае нельзя форсировать!

Звонит Егор – завтра мы летим вместе, обсуждаем какие-то последние вопросы. Засиживаюсь в гостинной допоздна, хотя вставать так рано, что проще уже и не ложиться.

Поднимаюсь наверх, вижу слабую полоску света под дверью Лики. Не спит? Или просто ночник оставляет, потому что темноты боится?

В следующий момент слышу резкий крик и срываясь с места, за мгновение преодолеваю пару метров до ее комнаты, влетаю туда и замираю.

Капец...

Сглатываю с трудом. И смотрю, чёрт, кажется, даже не дыша.

И она на меня смотрит и не дышит.

Не знаю, сколько мгновений длится эта пауза, понимаю только, что в голове у меня четкая, однозначная мысль.

Эта девушка, женщина, определенно станет моей. Причем в самое ближайшее время. Чего бы мне это ни стоило.

После того, что я сейчас вижу... Разве можно будет от такой красоты отказаться?

А вижу я много, очень много.

Потому что малышка только что вышла из душа, и она...

Она полностью, абсолютно обнажена. И прекрасна... Как Венера, вышедшая из пены морской.

Идеальная.

Я понимаю, что должен отвести глаза, отвернуться, выйти, извиниться. Но я не могу.

Она меня в соляной столб обратила. Могу только вот так стоять и смотреть, кажется, даже раскрыв рот.

Чувствую дикое напряжение и натяжение внизу. Чёрт... И в висках стучит.

И время словно остановилось.

Секунда, еще одна... Наверное, даже меньше.

Малышка взвизгивает, неловко прикрывается руками, потом разворачивается спиной, открывая не менее чудесный вид на роскошную спину и то, что ниже... И какие же у неё красивые длинные ноги!

– Уйдите, прошу вас, пожалуйста! Уйдите!

Чёрт.

Выхожу из комнаты, нарочно со стуком прикрывая дверь, чтобы она поняла, что я ретировался.

Закрываю глаза.

Слюни-то подбери, блин, кавалер... любитель острых ощущений!

Поправляю низко сидящие домашние брюки. Мне нужен ледяной душ. Лучше сугроб.

Какая жалость, что на дворе почти лето... Не в речку же ледяную бежать нырять, в самом деле?

Кстати... почему она кричала? И почему голая из ванной вышла? Не думаю, что она любитель эксгибиционизма... Полотенце на полу валялось.

Все это странно, и меня любопытство разбирает.

Стучу. Прислушиваюсь, понимаю, что она там всхлипывает – плачет? Одеться-то успела?

Приоткрываю дверь – Лика сидит на кровати, поджав ноги, на ней длинная футболка – наверное, что-то вроде ночной рубашечки. Вроде совсем простая, девчоночья, но мне-то от этого ни хрена не легче!

Смотрится скромно, но при этом заводит дико...

Что ты тут делаешь, Александровский? Беги отсюда на хрен! Сбереги девичью честь! И свою тоже... Обещал ведь?

Но нет, тянет меня в этот омут, сил нет «стопарнуться»...

– Лика... простите меня, с вами все в порядке?

Поднимает голову, личико заплаканное. Кивает быстро, а сама на полотенце смотрит, которое на полу лежит.

Странно так смотрит, с испугом.

– Лика... что случилось? Ты... Вы кричали, я... я только поэтому зашел.

– Всё... всё нормально, я... просто...

– Что? – делаю шаг в комнату. Вижу же, что не нормально?

– Испугалась я. Там... там... – пальчиком показывает на полотенце, лицо руками закрывает, – как стыдно... господи.

Да уж... представляю. Почему-то кровь закипает от мысли, что я первый увидел ее такой, обнаженной полностью. Я ведь... я ведь однозначно первый?

Стоп, Алексей, не об этом. Она чего-то испугалась, и это что-то явно сейчас под полотенцем, так?

Представляю примерный план событий, Лика вышла из ванной комнаты завернутая в полотенце, увидела какое-то чудище на полу, закричала, и в ужасе кинула на него полотенце. И как раз тут вошел я, чтобы лицезреть ее первозданную красоту.

– Спокойно, не бойтесь, сейчас посмотрим, кто там...

– Нет! Не надо... страшно... Вдруг оно прыгнет?

– Оно? А что там? – стараюсь сдержать ухмылку, но она все равно пробивается.

– Не знаю... какой-то... паук... или жук... насекомое... что-то...

Ну, насекомое – это не страшно. С этим уж я как-нибудь справлюсь.

Подхожу к полотенцу, присаживаюсь, беру за край.

– Осторожно, – тихонько взвизгивает Лика.

– Боишься?

– Вдруг оно кусается...

– Меня же укусит, не тебя, или за меня боишься? – снова перехожу на «ты», прекрасно понимая опасность этого мероприятия.

Смотрю ей в глаза, она не выдерживает, опускает ресницы, вижу, как дергается горлышко. Твою ж...

Ладно, вернемся к насекомому.

Аккуратно приподнимаю полотенце и...

– Ой, мама...

– Что? – смотрю на неё, хитро улыбаясь, девчонка ведь совсем? А я...

А я давно не мальчишка, хотя иногда хочется стать таким вот, молодым и беззаботным, чтобы можно было просто пригласить понравившуюся девушку на свидание куда-нибудь в парк, гулять, говорить обо всем, сидеть под деревом, обнявшись, положить голову ей на колени... Знать, что она с тобой из-за тебя, а не потому, что у тебя бабки и статус...

Впрочем, кого я обманываю? Я и в школе был мажором, о котором многие мечтали как раз из-за бабок и статуса.

Интересно, Лике так уж важно, что я не простой водитель, сантехник, инженер или музыкант? И знает ли она вообще, кто я, чем занимаюсь? Во сколько примерно оценивается мой счет в банке и активы?

А на свидание в парк со мной она пошла бы?

– Кто там?

– Пока не знаю. Не бойтесь, Лика. Уж от паука или таракана я вас точно смогу защитить.

– Да?

– Не верите? – мы снова сталкиваемся взглядами. Кажется, оба забываем, как дышать.

Может, к чёрту это полотенце и неведомого членистоногого? Бросить, рвануться к ней, обнять, прижать сильнее, и...

Она ведь там, под этой футболочкой... без ничего? Как Венера?

Почему так тяжело дышать? Ну давай же, Александровский, решайся!

Ну?

Глава13

Сердце колошматит по ребрам с дикой силой.

Мне так нереально страшно!

Не потому, что в мою комнату пробрался какой-то неведомый страшный паук, огромный, как... не знаю кто!

А потому...

Потому что я вижу в глазах мужчины, сидящего напротив, такое неприкрытое, страстное желание!

Боже, это... это и страшно, и так дико хочется попробовать...

Мамочки, о чем я только думаю!

Мне вообще сегодня весь день не везет! Я ведь хотела сообщить Алексею Николаевичу, что мне надо заехать домой! Оказалось, что вещей я взяла мало, не подумала о том, что уже лето на носу. Да и по работе многого недосчиталась, книг, методичек, нот...

Собиралась впопыхах под его пристальным взглядом. Нервничала. Голова вообще не варилась. Тогда еще думала – как, как я буду жить с ним под одной крышей, если я перестану соображать, когда он появляется в радиусе пяти метров?

Но, как ни странно, в его доме я довольно быстро освоилась. Просто очень четко себя контролирую. Играю роль спокойной, выдержанной, безэмоциональной няни, для которой отец ее подопечной – работодатель.

Ну, стараюсь играть.

Очень тяжело мне даются даже не совместные завтраки и ужины, когда мне мучительно больно оттого, что кажется – я ему совсем безразлична...

Тяжело мне ночами. Никогда не думала, что я могу быть настолько... настолько зависимой. Каждую ночь пытаюсь уснуть, ворочаюсь в постели, охваченная каким-то диким томлением. Низ живота скручивает спиралью. Хочется...

О господи... это ужасно, но мне хочется почувствовать его руки на своем теле. Опять. Хочется почувствовать его губы. Ощутить силу объятий.

Нельзя об этом думать, совсем нельзя, но...

Я и домой возвращаюсь не просто за вещами, а затем, чтобы выдохнуть. Снять напряжение этой недели. Хоть ненадолго расслабиться!

Нинель говорит, что не нужно ему сообщать, мол, зачем лишний раз беспокоить?

– На такси туда-обратно быстренько доберешься, только долго не задерживайся. Он обычно с Полюшкой часа два в бассейне, потом еще обедают в ресторане, так что...

Увы, прогнозы Нины не оправдались. Разъяренный Алексей Николаевич на моем пороге.

Я почти не слышу того, что он мне говорит. Голова кружится. От его запаха, от близости.

От его слов.

И стыдно, и так... так приятно, что он волновался за меня, думал обо мне.

Сообщаю Тамаре Васильевне, что снова уезжаю, оставляю ей запасные ключи на всякий случай. Прошу никому особенно не говорить, куда я, хотя... все и так уже все знают. Вон, Ирина при встрече презрительно «подстилкой» окрестила. Ну и ладно...

После ужина мой начальник сообщает о том, что уезжает на несколько дней.

Мне бы радоваться, а на душе неожиданно такая тоска...

Он ведь все эти дни на самом деле ко мне относился почтительно. Как к няне и учительнице дочери – ни больше ни меньше.

Да, я этого и хотела! Но...

Почему мне казалось, что он... что он хоть как-то проявит ту заинтересованность, которая сквозила раньше? В ту нашу первую нелепую встречу, когда он принял меня за девушку...

с низкой социальной ответственностью – кажется, так сейчас модно говорить? Эскортницу? Боже, какой стыд! Но я чувствовала его интерес и желание!

И боялась его.

И... мечтала о нём.

А получилось – зря боялась. И... мечтать не вредно.

Эх, Лика-клубника...

Прощаясь, он, кажется, на что-то намекает? Или это только кажется?

Опять не могу уснуть, читаю книгу. Решаюсь пойти принять ванну. Бросаю в воду соль с ароматом персика, тщательно тру мочалкой тело, словно хочу наказать сама себя за то, что испытываю.

Выхожу разгоряченная, и, кажется, ванна только усугубила мое состояние.

Мне нужно что-то делать с собой!

Иду к кровати, внезапно слышу странный звук, похожий на стрекот, а потом...

Потом вижу на полу ЭТО! Не знаю, что, но оно большое и страшное! В свете ночника его не очень хорошо видно, да я и не успеваю разглядеть, вижу, что оно ползет в мою сторону, и с диким воплем швыряю на него полотенце.

Стою посреди комнаты в чем мать родила. Меня трясет от страха. А потом...

Потом дверь открывается и в мою спальню залетает Алексей Николаевич.

И смотрит на меня.

А я... вместо того, чтобы моментально прикрыться, схватить хоть что-то, чтобы спрятать наготу, стою перед ним, оглушенная сознанием того, что он видит меня всю!

Первый мужчина, который видит меня обнаженную.

Ох, мамочки!

И внизу живота становится тяжело, и чувствую, что грудь словно наливается, поджимается...

Потом наконец до меня доходит, что надо делать, и я разворачиваюсь, умоляя его выйти.

Натягиваю ночную рубашку, опускаюсь на кровать... и что делать?

О напугавшей меня букашке уже и не вспоминаю.

Перед глазами жадный взгляд хозяина дома. Там, в глубине, было такое...

Дикое, первобытное, манкое...

С трудом соображаю, что происходит, когда он возвращается.

Стараюсь переключить внимание на то, что находится под полотенцем. Но трясет меня не потому, что у меня арахнофобия...

У меня скорее Алексобия. Или Алексомания...

Глупая я, дуручка... Сама себе яму выкопала.

Не нужно было вестись на предложение Элеоноры Григорьевны подработать преподавателем музыки у его дочери.

Не знал бы он меня и не знал. И я бы не знала.

Не знала, как голова кружится, когда он рядом сидит. Когда слышу его шаги в коридоре или низкий, цепляющий, бархатный голос.

Или этот мужской аромат, в котором собраны самые страстные ноты...

Зачем он ко мне в спальню зашел?

Зачем я кричала как потерпевшая?

И как теперь попросить его выйти?

Алексей Николаевич поднимает полотенце, а я снова в панике. Вот он сейчас убьет это несчастное создание и уйдет со спокойной душой. Ему к поездке готовиться. А я?

Так, Клубничная, хватит! Возьми себя в руки! Хоть постарайся!

Дышу глубоко. Надо как-то выровнять сердечный ритм.

– Кто там? – спрашиваю, надеясь уже поскорее закончить это ночное приключение.
– Не бойтесь. Уж от паука или таракана я вас точно смогу защитить.
От паука и таракана – да. А от самой себя?
– Не верите? – смотрит пристально. Сканирует. Изучает.
Как музыкант новую партитуру, сходу пытается понять, где там подводные камни.
А я дышать не могу...
Представляю, как он сейчас оставит эту несчастную тряпку, сделает шаг, и я пропаду...
И так хочется пропасть!
Щеки пунцовые. Вся горю, как печка, хотя после ванны облилась прохладным душем.
Еще мгновение и, кажется, я сама сползу с кровати, чтобы в его руках оказаться.
Вижу, как дергается уголок его рта.
Боже, он ведь мысли мои читает! И желания!
Не нужно мне ничего желать.
Опускаю голову, почему-то сразу обидно очень за себя. Что я перед ним как подопытная!
– Уберите его скорее, пожалуйста. Мне... я спать хочу.
– А я-то как хочу, – тихо так говорит, низко, почти до баса спускаясь, и вовсе не про сон он говорит.
Негодяй!
Нарочно провоцирует!
Снова смотрю на него – ухмыляется, наглец!
И склоняется над полотенцем. Кажется, видит того, кто нарушил мой покой.
Хотя, чтобы увидеть, ему надо только в зеркало взглянуть!
– Ого, какой у нас тут красавец!
– Кто? – подаюсь вперед, потом в испуге отстраняюсь. – Нет, не надо, не показывайте...
– Не бойтесь, это чудище не кусается. Майский жук. Большой.
Майский жук? Ох...
Припоминаю, как выглядит это создание. Для человека относительно безобидное. Относительно – потому что, насколько я помню, это жуткий вредитель.
– Посмотрите? Он хорош.
Осторожно спускаю ногу с кровати. Подбираюсь к ним, сижу на корточках на полу, выставив голые колени.
Мне кажется, или я слышу его вздох?
Алексей Николаевич освобождает пленника, контролируя его движения, чтобы тот не улетел. Жук ползет в мою сторону.
– Конечно, знает куда двигаться, выбрал самый сладкий объект.
– Они же не едят сладкое? – поднимаю голову, и тут до меня доходит.
Мой начальник только что назвал меня сладким объектом? Реально?
– Клубнику точно не едят. А вот я очень люблю... клубнику.
Мне кажется, у меня замирает сердце. Все замирает вокруг.
Только он. Его глаза... Губы... Чувственные. В меру полные, темно-розового цвета.
Он не двигается. Я тоже. Двигается только жук. Еще чуть-чуть, и он наползет мне на руку...
Отодвигаюсь, вздыхаю судорожно.
Все так странно. Непонятно. Я чувствую, что Алексей хочет меня поцеловать.
Чувствую...
Алексей... наверное, мне нужно все-таки называть его по имени отчеству даже мысленно.
Тогда сохранится подобие дистанции, ведь так? Или...
Он хочет меня поцеловать. И не только.
Он слишком взрослый, чтобы ограничиться одними поцелуями.

Взрослый, сильный, умный, богатый, красивый...

Голова кружится от того, какой он.

А я?

По сравнению с ним вообще никто. Глупышка. Только что симпатичная и... ну, ладно, с образованием у меня тоже все в порядке. Глупышка я в другом. В том, что позволяю себе мечтать о несбыточном.

Например, вот об этом мужчине, который сидит напротив, и от его близости в ушах шумит.

Я знаю, что он хочет сделать со мной все те вещи, которые собирался тогда, в том доме.

Почему же он сейчас просто сидит напротив и смотрит? Неужели ждет, пока я сама ему не предложу? Или... Или я все себе напридумывала?

Набираюсь смелости и снова смотрю на него. Всё его внимание на майском жуке, и я даже разочарована.

– Его... – начинаю говорить и сама не узнаю свой голос, хриплый, жалкий, – его надо выпустить на волю.

– Это точно, – и снова у меня мысль, что он говорит не про жука...

Тем не менее он берет полотенце, накрывает им моего ночного гостя, поднимает с пола, подходит к окну, открывает створку и выбрасывает насекомое. Жук с жужжанием расправляет крылья и летит.

– Вот и всё, приключение закончилось.

– Да...

И я не могу сдержать вздох разочарования. Кровь снова бросается в голову.

И что теперь?

Он стоит близко, так близко... я чувствую жар его тела. Его дыхание.

Закрываю глаза, опускаю голову.

Тебе это не нужно, Лика! Не нужно!

Но что же делать, если так хочется?

– Лика...

И, кажется, я сама тянусь к нему...

Глава14

– Лика...

Чувствую, как она дрожит. И сердце у неё так стучит – на расстоянии, кажется, слышно. У меня у самого тоже мотор вращается в бешеном темпе.

Ненормально это.

Башню сносит капитально.

Хочется забыть на хрен про все установки, забыть на все.

Она сидит совсем рядом, аромат ее ноздри забивает, и эти голые красивые коленки на полу. Стоит только протянуть ладонь...

Поднять ее на руки, прижать к себе, опустить на постель, задрать эту чертову футболку и пировать всю ночь...

Обжигая поцелуями, распаяя, доводя до грани, упиваясь её невинными эмоциями, её первыми ощущениями, впечатлениями, страхом и удовольствием.

Клеймо свое на ней поставить хочется.

Первый. Раз и навсегда!

И... единственный?

Чёрт, это было бы...

Не знаю, раньше мне казалось, что никакой разницы. Свобода в отношениях. Свобода любить. Сегодня можно эту, завтра другую. Женился когда, остепенился вроде, но так... почему-то в башке все время сидела мысль, что это временное явление – верность. Да, было по кайфу осознавать, что есть женщина, принадлежащая только мне. Сначала. Потом все стало разваливаться, и я понял, что нет желания всю жизнь провести только с ней. Да и у жены такого желания не было. Превратилась в какую-то дебильную «инстасамку».

Я после жены и не думал о том, каково это – быть для кого-то единственным.

А теперь смотрю на Лику-клубнику и... думаю.

И хочется именно единственным быть для неё.

Чтобы она – только моя!

Надолго ли?

Хм... хороший вопрос, ведь если единственная, то это навсегда?

Внутри вибрирует все от этой мысли.

Чувствую ее аромат. Аромат женщины.

Она... понимаю, что она сейчас готова меня впустить. Готова броситься в этот омут вместе со мной. Пить желание. Наслаждаться...

Но...

– Спокойной ночи, Лика-клубника...

Не знаю, каким диким усилием воли заставляю себя повернуться и выйти из комнаты, плотно прикрыв дверь.

Захожу к себе. Срываю футболку, брюки, кидаю все на стул, захожу в ванную комнату.

Душ тропический, ледяной. Должен спасти.

Стою мужественно под обжигающе-холодными струями и...

Все равно думаю о том, как стоял бы сейчас с ней, прижимая ее к мраморной стеночке, слизывая с ароматной кожи сладкие капли.

Хорошо, что ушел сегодня. Просто отлично!

Я же видел, в каком она состоянии? Видел.

Сама шла в руки, добыча моя необыкновенная. Самочка ласковая, нежная, трепетная, невинная!

Сама шла!

Но...

Я поступил правильно. Нужно еще глубже загнать крючок, зацепить.

Больше хотеть будет!

Спать мне осталось четыре часа, но, как ни странно, я засыпаю и встаю вовремя.

Быстро сам готовлю кофе, разогреваю приготовленный Нинель заранее бутерброд.

Еще час – и мы в Шереметьево. Летим в Екатеринбург.

Кольцово встречает нас прекрасной погодой. Тут тоже по-летнему тепло и ясно. Город я видел уже не раз, и мне он нравится. Есть в нем что-то... такое уютное.

Отель мы всегда выбираем один и тот же, в самом центре, на набережной, пять звезд. Заселяемся с Егором в соседние номера-люкс.

Друг сразу что-то говорит о вечерних посиделках.

– Знакомый депутат Шаньгин обещал нам хорошую компанию. Так что расслабимся. Можно потом еще в сауну, а?

Расслабимся.

Представляю красоток, которые придут в ресторан. Гламурные, раскрашенные, в обтягивающих платьях с декольте, чтобы сразу бронбойными, точно в цель.

Только вот цель моя теперь хорошо защищена.

– Подумаю, брат, не уверен.

– Ты что? Лексус, тебя рептилоиды похитили, что ли? Не узнаю. Или ты у нас чипированный?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.